

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ

КГБ против СССР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЮЮ
БРАНЬ

18+

Братья Швальнеры КГБ против СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44003925

SelfPub; 2019

Аннотация

СССР 80-х годов ознаменовался в представлении советского человека не только понятием «застой», но и колоссальным всплеском преступности, захлестнувшим даже высшие эшелоны власти. «Бриллиантовое», «хлопковое», дело «Елисеевского» и прочие навсегда будут связаны с противостоянием двух мощнейших силовых структур в стране – КГБ и МВД. Однако не все знают, что сражались между собой эти структуры не только правовыми, а вернее сказать, только не правовыми методами. И знаменитое убийство на «Ждановской» – лишь надводная часть айсберга под названием «КГБ против СССР»...Изображение на обложке авторское.Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Книга первая	25
Глава первая	25
Глава вторая	47
Глава третья	69
Доктор Сигурд Йоханссон	82
Глава четвертая	103
Глава пятая	122
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Пролог

20 мая 1976 года, Москва

Май – обманчивый месяц. Казалось бы, весна уже подходит к концу и стремительно приближается жаркое лето, как вдруг грозы превращают столицу в сплошную плавающую среди каналов Венецию, тучи сгущаются над привычно солнечным московским небом, ветра усиливаются, и вся природа словно бы говорит уставшим от слякоти и зимне-весенних холодов жителям самого прекрасного города Земли: «Не спешите. Лето в этом году отменяется». Ну или: «Переносится на неопределенный срок». Людям с метеорологической зависимостью переносить такие времена бывает тяжело – и особенно тяжело вечерами, когда вынужденное безделье заставляет сосредотачиваться на нехотанных обостряющихся недугах, а ливни и грозы заряжают свои мощнейшие бомбардировки на целую ночь, заставляя несчастных, измученных хроническими болезнями людей, ворочаться с боку на бок в тщетных попытках уснуть.

Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов был из их числа – и потому ужасно не любил вечерами возвращаться домой. В такие минуты его охватывала хандра – все говорило о том, что вот-вот придется лечь в постель, а это значит, снова ноющие боли во всех без исключения больных органах его. Болезнь не разбирается в чинах и не зна-

ет классовой теории – и потому почки всемогущего главы силового ведомства всю ночь будут ныть, отдаваясь нестерпимой болью в спине; диабет, словно сговорившись с ними, устроит ему всеобщую изжогу; а позвоночник и ноги просто будет ломить от ветра и слякоти. Именно поэтому в такие периоды Андропов старался допоздна задерживаться на работе, а, если таковой не было, посвящал свои вечера театру – если представление хорошее, то неприятное ощущение от боли словно бы отступает. Конечно, это самовнушение, но в конце весны заснуть у Юрия Владимировича получалось только с его помощью.

Сегодня же, в пику обычно приподнятому настроению, сопровождавшему Андропова после свиданий с Мельпоменой, он вышел из здания МХАТа имени Чехова в компании своего заместителя Чебрикова в подавленном состоянии. Вышел – и посмотрел на небо. Среди непроглядной темноты виднелись тучи, которые не обещали ничего хорошего. Видавшему виды, хоть и не коренному, москвичу казалось в такие минуты, что лето и впрямь никогда не наступит. Вдобавок к отвратительной погоде неприятный осадок оставил сам спектакль – давали «Свадьбу Кречинского».

– Что это за спектакль такой? – пробурчал Андропов. – Кто автор?

– Сухово–Кобылин, русский драматург начала XX века, – ответил Чебриков.

– А что у него в жизни такого ужасного случилось, что он

так ненавидел правоохранительные органы?

Заместитель улыбнулся— он начал понимать, почему произведение классика русской драматургии привело Андропова в такое негодование.

— Он несколько лет провел в тюрьме по ложному обвинению в убийстве своей любовницы, французской актрисы...

— Теперь понятно, — брезгливо отмахнулся Андропов, ко-со взглянув на своего заместителя. После спектаклей они обычно делились впечатлениями, прогуливаясь вокруг театра или в его окрестностях, не спеша по домам. Чебриков не был метеозависимым — он больше зависел от своего начальника, и потому всегда охотно составлял ему компанию как в прогулках, так и в сомнительно— квалифицированных его критических откликах об увиденном. — Все— таки правильно революция этого дурака Николашку уничтожила. Что значит «по ложному обвинению»?

— Значит, не доказали.

— Вот именно, что не доказали. А это никак не означает, что события преступления не было или он был в нем невиновен. Значит, плохо работали. Значит, не место на земле такому государственному строю. Вот у нас, например, какой процент оправдательных приговоров, когда не доказывают?

— Если по стране, то процентов 18%. Если вы говорите о работе Комитета, то ноль.

— Вот. Значит работаем сносно.

— Ну зачем так критично, Юрий Владимирович? Работаем

неплохо.

– До «неплохо» нам еще дожить надо... Нет, ты как хочешь, а я больше в театры ходить не буду.

– Почему? Вам же так нравилось всегда...

– Всегда нравилось, а теперь разонравилось. Ложи все сроду заняты, так я сижу в партере сразу на трех рядах – на первом мы с тобой, а на двух остальных охрана. Краснеть скоро начну – все зрители только и смотрят, что не на игру актеров, а на меня. А мне хоть сквозь землю провалиться в такие минуты.

– Ну почему? Сами же говорите, что работаете сносно...

– Это вы, Витя, работаете сносно. Вы, заместители, на чьих плечах, по сути, организация всей работы Комитета. А я как первый человек есть лицо, скорее, государственное. Я все больше на трибуне Мавзолея да в ЦК. А вот эти организации, милый мой, работают как нельзя хуже. Ну что это такое? Ты когда последний раз в магазине был? Пустые полки там видел? А еще что видел? Ничего? Вот и я ничего, если бы не спецзаказы, давно бы уже или с голоду опух или от хронических болезней умер, а их у меня, ты знаешь, немало. Вот и выходит, что люди смотрят мне в спину критичными взглядами, в которых читается один и тот же вопрос, а ответить – то я им только и могу, что: «Извините, граждане, я в КГБ работаю, я к Госплану и к ЦК отношения не имею». А им – то какая разница?! Для них мы все одним миром мазаны. И потом – что значит «Я – ни при чем»? В полномо-

чия КГБ входит охрана социалистической законности и собственности. Если бы на местах все делалось в строгом соответствии с указаниями того же Госплана, не было бы взяток и воровства, то, наверное, и продовольственное обеспечение у нас не хромало бы! Богатейшая в мире страна, и до такого уровня жизни людей довели! Уму непостижимо! Так вот, если бы нарушений законности не было на всех этапах реализации продовольственной политики КПСС – от высших кабинетов до сельмагов, – то все было бы иначе. Не краснел бы я до ушей, если бы работал Комитет как положено...

– Юрий Владимирович, вы ведь делаете все, от себя зависящее. Но и вы не всеильны. Есть люди с большими полномочиями, которые, к сожалению, думают иначе, и вы это знаете...

Андропов с чувством обреченности посмотрел на Чебрикова и кивнул в сторону машины. В салоне андроповской «чайки» разговор продолжился.

– Знаете и о том, что покровительствует всему этому воровству сплошь и рядом МВД...

– Да уж, знаю. Смотри, Щелоков – наглец, никуда от него не денешься. Совсем страх потерял. В самом центре Москвы, у нас под носом свою контрразведку создал, особый отдел! – Андропов кивнул за окно. Взгляды его и Чебрикова устремились на 11 этаж гостиницы «Россия», которую они сейчас проезжали. – Информацией едва ли не больше нашего обладает! Такую агентурную сеть развел, столько дел бла-

годаря ей раскрыл, что мама не горюй! Да еще, мерзавец, добился у Генсека запрета Комитету вербовать сексотов в своем Министерстве...

– Ну против Генсека мы бессильны, а в остальном все в наших руках, – еле слышно процедил Чебриков. Голова председателя КГБ после шумного и эксцентричного спектакля болела, звуки внутри нее сливались в единую какофонию, но эту фразу своего заместителя он разобрал четко.

– Что ты сказал?

– Я говорю, что этому его спецотделу мы запросто кислород перекрыть можем. И в прямом, и в переносном смысле. Тут все в наших руках, Юрий Владимирович, все в наших руках...

На следующий день

Совещание у министра внутренних дел СССР Николая Анисимовича Щелокова подходило к концу. Общие сводки, цифры, результаты работы, краткие отчеты по наиболее резонансным делам. Министр дополнительно проверил условия содержания в некоторых ИТУ Украины, результатами проверки остался недоволен и поручил начальникам отделов провести дополнительную инспекцию, после чего объявил, что все члены коллегии Министерства свободны, попросив остаться двух своих заместителей – Крылова и Папутина.

– Ну как. Виктор Семенович, дело «Океана» продвигает-

ся? – спросил министр, глядя на Папутина.

– Так точно, товарищ генерал армии. Агентурный отдел, – он сверкнул глазами в сторону сидящего напротив Крылова, – сообщает, что, помимо хищений рыбной продукции в сети магазинов «Океан» Фельдман и Фишман причастны также к незаконному экспорту черной икры за рубеж.

– Вот даже как?! Очень интересно. И с чего все началось?

– Видите ли, специальным приказом Министерства рыбной промышленности сети магазинов торгово– производственной фирмы «Океан» установлена довольно значительная, в масштабах отрасли, процентная степень допустимой усушки, утруски, порчи продуктов – 10%. На деле объективно порче подвергается не более трех процентов, но списывают под это дело торговцы рыбой все десять, ни граммом меньше. Почти всегда списанию подвергается икра, которую, как известно, очень сложно испортить ввиду большого содержания в ней соли. Списанная икра по актам утилизируется, хотя, по сведениям того же агентурного отдела, нет ни одного реального доказательства уничтожения хотя бы тонны ценного морепродукта.

– Куда же она девается?

– Уходит за рубеж.

– В обход КГБ? – удивленно вскинул брови министр. – Это как такое возможно?

– Просто. Рыболовецкий сейнер, уходящий в путину в свободную экономическую зону, в порту выхода досматри-

вать никому в голову не взбредет...

– Хитро придумано, – улыбнувшись, Щелоков откинулся в кресле. – Выходит, что несколько лет назад, когда министр рыбного хозяйства Ишков настоял на передаче всех функций по добыче и реализации рыбной продукции от Минторга его министерству, он просчитал все на шаг вперед. Якобы испорченная икра грузится на сейнер – даже если кто-то досмотрит, вот вам, товарищи проверяющие, акт о списании. Куда ее девать, как не в море? И, если она испорченная, зачем же засорять отечественные водоемы? Выкинем ее в Японии...

– Совершенно верно. В Японии к сейнеру, на котором, как известно, функционирует рыбный завод – именно здесь, в момент добычи, рыбу моют, солят, в общем, приводят в полный товарный вид, а также отгружают на торговые корабли, возвращающиеся в СССР и отплывающие из него с официальными государственными контрактами на поставку рыбной продукции, – подходит советский корабль, который должен доставить партию полученной здесь же рыбы, скажем, в Турцию или Францию. Грузится – все честь по чести. И тут же в его трюмы сгружается списанная икра, которую в порту приема встречает уполномоченное лицо Минторга...

– Значит, верхушка тоже вовлечена в эту преступную схему?

– Без верхушки ничего бы не было. Никто бы просто не позволил списывать столь дорогостоящий продукт. Так что,

я думаю, без нашего дорогого Юрия Владимировича, здесь не обошлось...

– Но– но, – одернул подчиненного Щелоков. – Чтобы обвинять членов ЦК, нужны веские доказательства...

– Они есть, но о них чуть позже. Так вот. Встречает эту нашу якобы списанную икорку кто–нибудь из начальников отделов ишковского министерства, торгпред какой–нибудь, которому поручено сдать партию рыбных товаров местному покупателю и получить с него по счету. А одновременно с этим и икру ему, что называется, загоняет.

– А как он потом провозит валюту в СССР?

– А никак. Он прямо там затаривается дефицитными в СССР вещами и спокойно провозит их в чемоданчике. Картины, джинсы, драповые пальто, кожа на меху – все это за определенный процент возвращается Фельдману и Фишману, которые спокойно распихивают полученное среди своих знакомых и, тем самым, возвращают себе похищенные честным трудом у государства деньги.

– И сколько, по твоим подсчетам, за одну путину уходит икры? Списание– то ведь происходит каждый месяц? А путина – раз в два или в три месяца, так? Это же фантастическое количество накапливается по всей сети розничных магазинов, открытых во всех крупных городах Советского Союза!

– Да, сумма немаленькая.

– Так как же тогда этот твой торгпред провозит такое ко-

личество вещей? У него личных вещей на границе получается целый эшелон, не меньше?

– Не совсем. Определенную часть он спокойно провозит через границу...

– Взятка КГБ?

– Нет, Николай Анисимович. Взятка – это небольшая часть от целого, отдаваемая, чтобы только это большое целое сохранить...

– Хочешь сказать, что КГБ забирает себе едва ли не половину суммы, вырученной от продажи икры в валюте? Но кому это надо? Я не думаю, чтобы Андропов...

– Конечно, не в собственный карман. А спецоперации? На их проведение обязательно нужна валюта, а ее в советском бюджете очень ограниченное количество – и вы, как член ЦК, это знаете. Здесь же валютная подушка практически неконтролируемая. Подумайте сами – в честь чего Ишкову разрешили нагрузить на его крохотное и убогое министерство такие функции? Без поддержки членов ЦК, особо приближенных к Леониду Ильичу, эта цель была бы недостижима.

– Думаешь, Андропов принял в этом участие?

– Без сомнения. Интерес – пусть не свой личный, а своего ведомства, но тоже корыстный, – он всегда преследовал.

– Но, как ни крути, получается, что берет он эту валюту не из воздуха и не за счет каких–нибудь неучтенных ресурсов, а напрямую из казны? Обворовывает государство, при-

крываясь благими намерениями?

– Вы – министр, лицо, ему равное. Только вам судить о квалификации подобного рода действий. Я лишь докладываю вам обстановку и излагаю свои соображения.

– Послушай, Виктор, – от волнения, навеянного услышанным, обычно сдержанный и тактичный министр перешел на «ты», – ты должен разрабатывать это дело очень и очень активно. Без железобетонных доказательств, на одних только догадках, какими бы приближенными к реальности они ни были, такого обвинения нам не построить! И оставлять это дело, спускать его на тормозах – означает вступить в негласный сговор с преступниками, начать их покрывать.

– Согласен с вами, Николай Анисимович. Опасную и сложную цепь ведем. А ведь мы смогли выйти на нее, сугубо благодаря агентурному отделу... – Папутин с одобрением в глазах взглянул на Крылова.

– Да, Сергей Михайлович нам очень помог. Такую службу внутри МВД завели, что Андропов с Чебриковым локти себе до сих пор кусают! Главное, ведь, что? Что у них, с их сверхмощным аппаратом, который еще со времен СМЕРШа ковался, таких результатов нет, как у нашего особого отдела за считанные месяцы его работы! А все почему? Потому что, как прав Виктор, там не хотят работать. Верхи. А низы, как водится, не могут. А мы и хотим, и можем! – министр рассмеялся, встал, вышел из– за стола, подошел к сидящему напротив Крылову и дружески похлопал его по плечу.

– Тут целый ряд факторов, и не на мне сошелся клином белый свет, – смущенно отмахнулся Крылов. – Преступности у нас действительно через край, и понятное дело, что без покровительства правоохранительных органов такого уровня она достигнуть сама не могла – по крайней мере, об этом говорит международный криминологический опыт. Поэтому и нужен был прорыв, и мы его сделали. Но не без вашей помощи, товарищ министр – если бы не вы, не было бы указания ЦК о запрете КГБ вербовать сотрудников в рядах МВД, а без него работа всего нашего секретного или агентурного, как говорит Виктор Семенович, отдела, пошла бы насмарку.

– Типун тебе на язык, Сергей Михайлович, – посмеялся Папутин. – Даже вслух таких вещей не произноси...

26 мая, 00 час 30 мин

Пожар на 10 этаже гостиницы «Россия» вспыхнул как гром среди ясного неба. Постояльцы улеглись, самая большая гостиница страны заснула, когда в соединительных стенах 10 и 11 этажей северной башни, в вакуумном плинтусе, через который проходила проводка, внезапно возникло короткое замыкание. Оно быстро распространилось на включенные в верхних этажах электроприборы и вызвало практически полное выгорание трех этажей гостиничного крыла. Позже начальник отделения пожарной охраны Кулымин,

прибывший на место, доложит следователю по особо важным делам Генпрокуратуры СССР Владимиру Колесниченко:

– Тут тонкость в чем. Если это и поджог, то поджигатели настолько профессиональные, что буквально прямо разведчики какие– то. Я вам расскажу, а вы сами соотнесите факты и цифры, как говорится. Снизу, с 10 этажа, был подан в проводку ток высокой мощности. Обычно проводки в гостиницах устанавливаются по одной на этаж, а здесь почему– то проводка соединяла 10, 11 и 12 этажи северного крыла... Ну это ладно, гостиничный электромеханик чего– то намудрил, Бог ему судья... Так вот на 10 этаже включили какой– то мощный аппарат. Знаете, в деревнях, когда валенки валяют, ток такой мощности подается, что свет вырубает чуть ли не во всей округе. Или, если у вас сосед– сварщик, то вы тоже, наверняка, хоть раз становились свидетелем такого вот номера... Включили, значит, на минуту буквально, а потом выключили сразу, но разряд был дан такой мощности, что электросистема, соединяющая почему– то – непонятно, почему, – три этажа, не выдержала. Она бы вырубилась сразу, сработала бы автоматическая система отключения, если бы где– то на этих этажах не стояло столь же высокомоощное оборудование, по несчастью включенное в этот самый момент. Получается, система была запитана и готова к таким перепадам и ориентирована на то, чтобы не выключаться ни при каких обстоятельствах. Что там именно стояло, нам вы-

яснить не удалось – когда мы приехали, все три этажа полыхали так, что света белого не видно было.

– Скажите, – спросил Колесниченко, – а, если бы кто– то находился в это время на 11 и 12 этажах и смог бы выключить эти приборы, пожара можно было бы избежать?

– Сложно сказать, – задумался инспектор. – Понимаете, мы же не знаем, что именно за приборы там были – ручные, автоматические, соединялись параллельно, последовательно... Кто ж теперь разберет? Мы было хотели свою службу дознавателей подключить, чтобы они с обгоревшими остатками приборов поработали, но тут набежали сотрудники милиции, да вроде как даже из Центрального аппарата приехали, вроде бы сам замминистра – понятное дело, пожар в такой гостинице, где столько народу, в том числе оттуда, проживает. Все изъяли, сказали, на экспертизу. Мы противиться не стали – у них специалисты более квалифицированные... Да и потом, знаете – баба с возу, кобыле легче...

Собеседники улыбнулись. Следователь задал последний вопрос:

– Вы человек опытный. На ваш взгляд, что все– таки, пусть даже по вашему предположению, могло быть включено на 10 этаже, что привело к пожару?

– Сложно предположить, но здесь же очень много иностранцев живет. Привозят с собой разную аппаратуру, электроприборы. Знаете, у них сейчас электрочайники появились – не такие, как у нас, что воткнул в розетку, он и кипит,

а умные какие— то, сами включаются, сами выключаются. Им больше электричества нужно. А магнитофоны? Не просто стереофонические, а с какой— то цветомузыкой — страшно сказать, сколько он мегавольт жрет! Прошлый раз на 5 этаже замыкание было, вызывали — выяснилось, что там какие— то музыканты остановились, включили свои гитары да синтезаторы и репетицию устроили. Так что в этом, думаю, не есть камень преткновения. Важно, что таких приборов набито было на трех этажах полно и ни один не был выключен. Потому я и говорю вам — если рассматривать версию поджога таким образом, то кто, кроме разведчика, мог знать, что целая сеть запитана на 120% включенными мощными аппаратами в ночное время суток? Кто? Исключено, чистая случайность... Я вот тоже думаю... Не мое это дело, но... Вы же знаете, сколько последнее время ввозится в страну электроприборов с Запада, чтобы здесь продавать? Вы следовательно, вы знаете. Фарцовщики вокруг «России» километровые круги нарезают. А, когда берешь товар, его надо проверять. Может, большую партию привезли, а наши умельцы тут решили их опробовать? Вот и наделали пожару.

Закончив беседу с инспектором, Колесниченко проверил работу оперативников МВД, которых действительно кишмя кишело на месте пожара, убедился воочию, что его присутствие здесь и сейчас роли не играет и уехал домой, чтобы проанализировать все услышанное и подготовиться к утреннему докладу Генеральному прокурору Руденко. Ночное де-

журство по Прокуратуре СССР выпало для молодого следователя неудачным, но делать было нечего – следовало готовиться к тому, что с утра пораньше все подчиненные, не исключая начальника Следственной части, традиционно получают на орехи за допущенный пожар. Ну или за то, что через секунду не нашли поджигателя. Ну или за то, что в течение ночи не установили самовозгорание. В общем, найдется за что. Как обычно в таких случаях, ЧП влечет за собой шапочный разбор во всех ведомствах, так или иначе задействованных в последствиях трагедии – от гостиничного буфета до Министерства транспорта СССР. Однако, планам следователя как следует все обдумать не суждено было сбыться – стоило ему доехать до своего дома на Новоясеневском проспекте, как машина с милицейскими мигалками нагнала его.

Следователь вышел из своей машины, из сопровождающей – а вернее, преследовавшей, навстречу ему вышел человек в форме полковника милиции.

– Товарищ Колесниченко?

– Он самый.

– Полковник Макаров, адъютант министра.

– Очень приятно.

– Скажите, вы дежурили ночью по городу от Прокуратуры СССР и выезжали на пожар в гостинице «Россия»?

– Я.

– С вами хотел бы поговорить министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков.

– Пожалуйста, я утром могу к нему приехать.

– Если возможно, сейчас. Моя машина к вашим услугам, после беседы мы вернем вас к вашему дому.

Колесниченко с шофером прокурорской машины переглянулись – ночь следователю все равно предстояла бессонная, так уж лучше провести ее в сборе информации, чем в переливании из пустого в порожнее, ведь пока ему удалось выяснить практически мало. Он кивнул головой и шагнул навстречу министерскому адъютанту.

Через полчаса они поднимались по лестнице в здании МВД на улице Житной, где ночного гостя ждал Николай Щелоков.

Он принял его в комнате отдыха – ночной пожар застал министра дома, как пожилому человеку ему сложно было подорваться с места и сразу приступить к работе в кабинете, а может быть, он просто не хотел, чтобы все подчиненные понимали, что случилось ЧП. Хотя, Колесниченко показалось, что спящее министерство давно всю ночь стоит из- за произошедшего на ушах.

– Здравствуйте, Владимир Иванович, – министр протянул руку следователю, обратившись к нему очень уважительно, чем немало удивил его.

– Здравия желаю, товарищ генерал армии!

– Вольно. Садитесь.

Министр указал ему на резной стул напротив небольшого столика у дивана, на котором сидел сам. На столике распо-

ложились две чайные пары, сахарница, нарезанный лимон.

– Чаю, кофе?

– Нет, спасибо. Если можно, ближе к делу. Зачем вы меня вызвали?

– Я вас не вызывал, это не в моей компетенции. Я попросил вас приехать с тем, чтобы услышать ваши впечатления от пожара... Каковы ваши предварительные выводы, если, конечно, это не тайна следствия...

– Ну что вы, товарищ министр... Вывод сделать сложно. Инспектор пожарной охраны – единственный разумный человек, с кем мне удалось переговорить на месте происшествия, – утверждает, что речь идет о трагической случайности. Хотя много в его рассказе и нестыковок... Основной вопрос все же в том, что именно было включено на трех этажах гостиницы и что, в конечном итоге, и повлекло возгорание? Инспектор утверждает, что в момент замыкания на всех трех этажах работали какие-то сверхмощные электроприборы, запитка которых и не дало системе выключиться при перепаде напряжения. Они работали, как я понял, принудительно, но от общего гостиничного генератора...

– Я вам расскажу, что там стояло.

Колесниченко опешил, но прервать министра не решился.

– Понимаете, несколько месяцев назад я, вместе со своими заместителями Крыловым и Папутиным, заручившись поддержкой Леонида Ильича, создал под эгидой Министерства своего рода особый отдел – эдакое подразделение контр-

разведки, которое запустило, если можно так сказать, щупальца в дела криминальных структур. За несколько месяцев раскрываемость выросла в разы, мы окончили фактом ряд давно подвисших уголовных дел...

– Вы сказали «контрразведка». Но это же дело КГБ!

– Именно. Мы тогда задумались – если преступность в стране так высока, то не может быть, чтобы не покрывалась она со стороны силовых министерств и ведомств. Вскрыли очень много коррупции в собственных рядах, что доселе недоступно было органам КГБ – еще в начале 1970–х я ходатайствовал перед ЦК о принятии постановления, запрещающего КГБ вербовать сотрудников в рядах МВД. ЦК тогда пошел мне навстречу. Так вот. За это непродолжительное время, что существовал спецотдел, мы выявили также преступления коррупционной направленности в высших сферах Комитета...

– Ну и ну...

– Именно. И отдел этот, скрытый от посторонних глаз, находился как раз на 10, 11 и 12 этажах гостиницы «Россия». Теперь вы понимаете, какие приборы там стояли и почему они не могли быть выключены?

– Да. Также понимаю и слова инспектора о том, что сотрудники вашего министерства сразу же произвели выемку всех останков сгоревших помещений...

– Верно. Но вы не знаете главного – неделю назад мы добыли... практически добыли доказательства причастности

высшего руководства КГБ к беспрецедентному хищению государственных средств. Как и откуда и кем они похищались, я вам рассказывать не буду, ради вашей же безопасности. Но я думаю, что Андропову стало известно о нашем расследовании...

– ...как, наверняка, ему было известно и место дислокации отдела.

– Совершенно верно.

– Потому случайно и был подан ток высокого напряжения именно в сторону проводки северного крыла, соединяющей 10, 11 и 12 этажи...

– Комментарии излишни.

– А зачем тогда вы меня сюда пригласили?

– Чтобы предостеречь от ошибки, которую вы можете совершить, объективно и беспристрастно расследуя это дело. Следов сотрудников КГБ там оставлено великое множество – Папутин и Крылов мне уже доложили, что за несколько минут до пожара по пожарной же лестнице проследовали несколько человек, не проживавших в гостинице, согласно показаниям администратора. Но все другие сотрудники отеля это упорно отрицают – значит, понимают, о ком идет речь. Казалось бы, дело за малым – провести оперативные мероприятия внутри КГБ и усадить виновных за решетку. Но я не дал им этого сделать и вас предупреждаю – не надо. Андропов заявил о себе очень громко, он сказал, что пойдет на любые жертвы, ни перед чем не остановится, чтобы спа-

сти свою репутацию. И вас прошу – если хотите сохранить себе жизнь и работу, утром доложите Роману Андреевичу, что речь идет о бытовом возгорании. Он очень влиятельный человек, и своим расследованием вы можете навредить и себе, и нам.

– Но ведь, создавая отдел, вы понимали, что натолкнетесь на его противодействие... Изначально это было попыткой выхватить из рук КГБ часть их функций, а значит, часть их власти.

– Да, но я не думал, что все пойдет так далеко. Обычное противостояние двух силовых ведомств – когда такого не было? Социалистическое соревнование, подстегивание друг друга – во всем мире такой противовес рождает только новые успехи в борьбе с преступностью. Но, как видно, не у нас. Недооценил я врага. Для него человеческие жизни ровным счетом ничего не стоят...

– Согласитесь, странно слышать это из уст министра внутренних дел о начальнике контрразведки.

– Согласен, но это странно при обычных обстоятельствах. А мы с вами давно уже поставлены за их рамки. Понимаете, о чем я говорю?

Колесниченко подумал и тихо произнес:

– Да. Думаю, что понимаю.

Книга первая

Глава первая

20 ноября 1980 года, Чолпон–Ата, Киргизская ССР

Большая серая гикающая стая толстых уток низко пролетела над едва подернувшимися пленкой льда водами Иссык–Куля и плавно уселась на край берега – там, где вода была еще теплой и не замерзала от постоянного движения. Качкалдаки бы не прилетели, если бы не такая же – или большая – стая лесников, что выгнала лысук с насиженных мест в глубине близлежащего леса, да еще и прикормила как следует вблизи славного озера. Вообще это была последняя охота перед предстоящей зимой – скоро эти толстые, черные, похожие на уток птицы с характерными белыми отметинами на лбу улетят зимовать на Каспий, далеко отсюда, а потому надо пользоваться моментом, невзирая на промозглую ноябрьскую сырость и надвигающиеся холода, то и дело ледяными порывами ветра напоминающие: скоро декабрь. Снега было мало, практически не было – зима в Киргизии оттого и холодная, что почти бесснежная. Качкалдак – что утка, жировой слой под кожей будь здоров, а и он такую погоду плохо переносит. Так что, если не успеешь, не уследишь за провор-

ными движениями его жирного тела, то все, пиши пропало.

Сегодня охота была небольшая – охотились только двое. А стая, как назло, попалась достаточно многочисленная – на первый взгляд, не менее 50 голов. Председатель Совмина Киргизии Султан Ибраимович Ибраимов охоту на качкалдаков любил, но стрелял плохо – потому затевал ее только для дорогих друзей, наведывавшихся к нему сюда, в санаторий Чолпон–Ата. Обычно это были люди из Москвы или его старый приятель, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Он и обещал приехать в этот раз, но не смог, прислал вместо себя еще одного их общего друга, министра внутренних дел Узбекистана Хайдара Яхьяева. Тот стреляет, конечно, хорошо, но все равно всех им вдвоем не перебить, много слишком. Потому сегодня все егеря и лесники вышли на охоту вместе с сановным начальством – как знать, может выгорит подстрелить пару жирных лысук, вот и будет праздник для семейства.

Стрелять в них надо быстро – не то всех только распугаешь. Потому первые десять выстрелов всегда являются определяющими. Быстрая очередь выпущена сначала Ибраимовым, потом гостем. Кинулись егеря с собаками по краям берега Иссык–Куля, чтобы собрать добычу, а остальные в это время достреливали стремительно удаляющихся лысук. Пар минут – и вся охота. Следующая стая будет только вечером, а потому можно перекурить.

– Жаль, Шараф Рашидович не смог приехать, – в очеред-

ной раз протянул Ибраимов, подойдя к своему гостю.

– Говорю тебе, заболел. К параду готовились в честь 7 ноября, 2 репетиции. А зима выдалась холодная – точь– в–точь, как у вас здесь. Вот его и прохватило. До позавчерашнего дня еще крепился, думал прилететь к тебе, а позавчера вконец свалило. «Поезжай, говорит, проведаетшь Султана, да привезешь мне пару качкалдаков...»

– Да, – улыбнулся Ибраимов. – Он охоту любит. Бывало, мы с ним по двадцать штук за одну вылазку настреливали.

– Не время сейчас охотиться. Улетает птица– то, становится на крыло.

– Верно. Это последние. Теперь только летом... Дожить бы до него...

– Вот те раз. Чего это ты? Тоже о болезни подумываешь? Ты же молод еще, мой ровесник! Посмотри на наш ЦК – там все не в пример тебе старики, а таких разговоров не ведут. Так что ты это брось!

– Я бы с удовольствием, да только сам видишь, где тебя принимать приходится – в санатории.

– Санаторий – не больница. Надо здоровье смолоду беречь, а особенно в такую пору, так что не вешай носа раньше времени.

– И то верно. Пойдем, выпьем.

Небольшой привал был организован невдалеке от берега – пара лысеньких карагачей да небольшой кустарник отделяли накрытый стол у костра от того места, где вода священного

озера сталкивается с землей и обдает и без того холодные пески своим ледяным дыханием.

Выпили, закусив свежими помидорами и рыбой.

– Хорошая рыба у вас на Иссык–Куле, – смакуя осетрину, сказал Яхьяев. Хозяин его будто не слышал, не замечал – собеседник заметил, что он явно чем–то встревожен.

– Жаль, не смог Шараф приехать... Я так ждал его... – то и дело вторил Ибраимов.

– Султан! Да что с тобой такое? Я же говорю, он болен...

– Я понимаю, но у меня был к нему деликатный личный разговор.

– Какого рода? Ты можешь мне все рассказать, я все ему передам. Мы же с тобой старые боевые товарищи, и ты можешь мне доверять как родному брату.

– Знаю. И главное, что разговор этот... он очень важный и срочный... – Ибраимов понизил голос, придвинулся поближе к собеседнику. – Доверить его кому бы то ни было – дело опасное, но выхода нет. Понимаешь, Шарафа могут сместить со дня на день.

– Кто тебе такое сказал?! – глаза Яхьяева округлились.

– Погоди, дослушай. Сам же видишь и знаешь, Леонид Ильич плох. На его место много желающих, и много кандидатов – и Шараф Рашидович один из них. Он друг Брежнева, молодой и деятельный руководитель, так что... Но в Москве знают и хотят донести Брежневу, что в Узбекистане много приписок по хлопку. Если сейчас это дойдет до ЦК, то дела

будут плохи... Надо спасать Шарафа!

Яхьяев побелел.

– Ты откуда про это знаешь?

– Это неважно. Главное, что за спиной Шарафа кто– то целенаправленно активизирует работу по его дискредитации, по припискам. Я не верю тем, кто говорит, будто наш с тобой честнейший друг, преданнейший сын партии Ленина способен на такое! Я готов перед кем угодно отстаивать его правоту, доказать, что он тут ни причем! Надо будет – и до Москвы дойду!

Заметно нервничавший и потому быстро опьяневший Ибраимов разошелся не на шутку. Яхьяев был обескуражен его откровениями, и поспешил успокоить своего разбушевавшегося собеседника.

– А ты уверен, что этим ему не навредишь?

– То есть?

– Смотрел тот фильм про Штирлица? «Что знают двое, знает и свинья». Так что ты пока подожди, никому ни о чем не рассказывай. Я вернусь в Ташкент, сам переговорю с Шарафом, и мы все решим. Надо будет – из реанимации его достану и привезу к тебе... Мы же не знали, что все так серьезно! Да, ты говорил по телефону, что речь пойдет о нем, что разговор серьезный, но что вопрос будет касаться «белого золота»...

– Сам понимаешь теперь, что по телефону я не мог всего сказать!

– Конечно. Ты правильно сделал, что поделился со мной. Я завтра же возвращаюсь в Ташкент, доложу Шарафу и – я уверен – это заставит его немного отложить болезнь... В общем, готовь новую партию качалдаков! А пока давай выпьем...

Слова старого товарища несколько успокоили Ибраимова. Он охотно опрокинул еще пару рюмок, после чего снова взялся за ружье – маленькая стайка полетела вслед за первой, и издали, с берега Иссык–Куля послышался посвист егеря.

Вечером, после бани, говорили о наболевшем – о господавках, планы по которым все выше задирает Москва, о нехватке продовольствия в регионах «второго» и «третьего» уровней обеспечения, об уровне преступности в стране, о засилье русских среди партийного и государственного аппарата. Яхьяев подчеркнул, – и вполне справедливо – что Ибраимова очень любят местные жители, которые в нем, коренном, чистокровном киргизе, видят свое будущее как народа, независимого от столицы Союза.

– Да, – говорил генерал, – когда после войны мы все объединялись вновь, с новыми правами, отличными от тех, что существовали в Гражданскую, соответствующими, как нам тогда казалось, международным принципам и идеалам, Москва нам обещала равенство и равноправие. А что на деле? Захватили власть и баста. В национальных республиках понасажали русских аппаратчиков, комитетчиков, а те только и делают, что следят за нами, подавляют нашу националь-

ную идею, да не дают нам головы поднять. Как рабы живем. Потому тебе и Шарафу надо особенно себя беречь – вы, по сути, единственные самостоятельные руководители республик с чувством национальной идентичности, национальной гордости. Вас народ любит. За вами будущее...

Комплименты ложились в благодатную почву менталитета уже порядочно пьяного Ибраимова как нельзя более органично. Он растаял, перестал, наконец, бояться Яхьяева, с которым намерен так разоткровенничался, и только кивал головой в ответ на его панегирики:

– Именно поэтому я и хотел переговорить с Шарафом. Теперь ты понимаешь, насколько важно ему сохранить свой пост?! Если он займет высокий пост в столице после Леонида Ильича, то вся история может вспять повернуться! Отольются кошке мышьи слезки – мы еще всеми ими покомандуем!..

После такого тоста стало ясно, что пора идти спать. Ибраимов и его гость вернулись в правительственный домик на территории санатория и улеглись. Около часу ночи генерал спустился вниз, чтобы покурить...

...Домик толком не охранялся – закрытый санаторий подразумевал, что сюда, на расстоянии, значительно удаленном от города, вряд ли кто придет, чтобы переговорить с сильными мира сего. По периметру этот уголок здоровья был огорожен высоким забором с колючей проволокой, вдоль которого пару раз за ночь проходили дежурные охранники. Никаких

ЧП здесь не происходило с момента закладки города, а потому частота проверок периметра у местных, не особо шустрых, охранников, из года в год становилась все реже. Ворота на въезде, конечно, на ночь запирались, сидел там вахтер – да только кто из супостатов надумает пересекать границу территории через входную дверь?

Потому он и пересек ее, перемахнув через забор – как раз в тот момент, когда охранники закончили обход и разместились в своем домике на окраине санатория, чтобы остаток ночи провести в алкогольных возлияниях. Коньяк, который они сегодня будут пить, привез из Узбекистана сам генерал Яхьяев, на бутылке портрет друга товарища Ибраимова – товарища Рашидова, – а это значит, что плохого в такую тару явно не разольют. Несколько метров жиденькой лесополосы, почти совсем облетевшей под дуновениями холодного ноябрьского ветра – и открылся ему вид на правительственный трехэтажный дом, пожалуй, самую выдающуюся постройку здешних мест. Не спеша приблизившись к нему, он увидел фигуру, стоящую в дальнем углу крыльца – генерал курил сигарету и смотрел в противоположном направлении, в сторону озера, откуда они сегодня приехали с богатой по нынешнему сезону добычей. Перед входом в дом стоит машина со включенными фарами – приехали именно на ней, это служебная «волга» Султана Ибраимовича. Стоп! Кажется, там кто– то есть...

Фары машины моргнули, из водительской двери вышел

человек. Он напряженно вслушался в тишину и услышал его шаги, звуки трещащих под ногами веток. Как он еще здесь оказался? Почему не спит?

– Кто здесь? – окрик шофера растворился в гулком тумане леса. Водитель сделал несколько шагов навстречу своему незримому визави, но потом резко развернулся и побежал в сторону дома. – Хайдар Яхьяевич! Товарищ генерал!

«Этого еще не хватало», – подумал Славин и выхватил карабин.

Яхьяев обходил крыльцо, окружавшее дом по периметру, с торца, и мог не слышать криков водителя, но что будет, если они сейчас встретятся?! Придется уносить ноги, и неизвестно, когда в следующий раз выпадет такая возможность! Нет, нельзя этого допустить...

На свой страх и риск Славин прицелился и выстрелил. Пуля сразила шофера наповал, а грохот от выстрела раскатистым эхом прокатился по окрестностям санатория. Славин зажмурился и вжал голову в плечи, затаившись в лесу – слишком громким получился выстрел среди ночной тишины. Если услышат, то все, конец всему. Надо подождать несколько минут – если начнется суета, не останется ничего, кроме как уносить ноги; доступа к телу все равно не дадут.

Эти несколько мгновений показались ему вечностью. Но – на удивление на звук выстрела никто не вышел. В доме было всего два человека – один из них спал, а другой был на противоположном конце особняка, так что ветер, дувший

в обратную сторону, вполне мог обеспечить, чтобы звук выстрела пронесся мимо его ушей. Славин видел, как, докурив, Яхьяев подошел к входной двери, но внезапно развернулся, достал еще одну сигарету и снова пошел обходить дом. Путь свободен!

В несколько прыжков оказался он у входа. Остановился перед машиной, присел и спрятался за нее, подождав, когда нарежавший круги генерал минует входную дверь. Пока отсиживался там, посмотрел на труп шофера. Мертвее мертвого. «С первого выстрела и так уложить... Неплохой карабин», – цинично подумал Славин. Меж тем Яхьяев опять скрылся за поворотом. Воспользовавшись моментом, Славин влетел в дом и сходу поднялся на второй этаж – он точно знал, в какой из комнат спит Ибраимов. Еле слышно открыл дверь спальни и увидел человека, лежавшего на кровати под одеялом. Прицелился чуть выше плеча, поднявшегося кверху у лежавшего на боку человека и... дважды выстрелил.

Белоснежные простыни обгарились кровью буквально на его глазах. Зрелище заворожило Славина но ненадолго – этих выстрелов в непосредственной близости от себя Яхьяев не услышать не мог. Он вбежал в дверь и сразу ринулся на второй этаж. Славин помнил про периметр крыльца – и быстро выскочил в окно, приземлившись ровно туда, где еще минуту назад стоял генерал. Он оказался с тыльной стороны дома. Несколько секунд, что генерал потратил на оценку ситуации, ему хватило, чтобы успеть обежать дом и снова

оказаться рядом с машиной Ибраимова.

Яхьяев выскочил из домика и рванул в сторону охраны. Это позволило Славину, дождавшись, пока тот исчезнет из виду, быстро ретироваться тем же путем, каким он сюда и пришел. Несколько метров вдоль леса... Конечно, они кинутся ко входу и к забору, но не сейчас – несколько минут они еще будут разглядывать труп убитого и пытаться оказать ему помощь. Потом министр внутренних дел, милиционер до мозга костей, даст команду к поиску. Но Славину это уже будет безразлично – он будет уже далеко, на подъезде к городу, откуда очень скоро отправится дальше. Благо, Советский Союз большой...

Утро следующего дня, Москва, Лубянка

Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов еще ночью узнал о беспрецедентном политическом убийстве, сотрясшем маленькую Киргизию как гром среди ясного неба. Да, были уже выстрелы в Брежнева у Боровицких ворот в далеком 1969–ом, на втором году его пребывания в должности главного силовика страны, но что они из себя представляли на фоне убийства Султана Ибраимова?! Подумаешь, какой– то сумасшедший соорудил какое– то самодельное ружье и, одурев от голодухи и дефицита в советских магазинах, решил застрелить вождя, да сдали трясущиеся руки и пол– литра водки, что влил он в себя перед этим «покуше-

нием». Абсурд, да и только! Кого так можно убить? Разве что дворовую собаку – и то не факт. Но спланированное, организованное и тщательно подготовленное убийство первого лица республики во время его отдыха в правительственном санатории пахивало уже какими– то италом– американскими мафиозно– политическими разборками. От осознания того, к каким последствиям может привести лично его это преступление, от того более жуткое, что не раскрыто по горячим следам – преступник ушел, значит, убийство, как у них говорят, явно заказное – Андропов не спал остаток ночи, и потому утром выглядел как таракан после столкновения с хозяйским тапком.

Придя на работу, первым делом он узнал содержание приказа Прокурора СССР Руденко, которым утверждался состав следственной бригады для выезда во Фрунзе. Роман Андреевич, человек тихий, почти уже аполитичный и доживавший на посту последние дни, тоже был обескуражен случившимся и потому во время телефонного разговора заметно нервничал. Он попросил Андропова включить в состав бригады «какого–нибудь надежного человечка» из конторы, обещая, в свою очередь, выслать назначенного им следователя к Юрию Владимировичу для консультаций перед выездом. Конечно, командировка предстояла не в дальнее зарубежье, но все же – формально в другую страну. Да и потом как он будет вести следствие, если главный силовик Союза не изложит ему предварительно свои соображения и не даст ценных

указаний? Натворит делов, чего доброго.

Имевший опыт общения с небожителями со Старой площади Владимир Колесниченко с Андроповым лично еще не встречался. Правда, в его памяти крепко отложился четырехлетней давности разговор с министром внутренних дел Щелоковым, в котором тот обрисовал председателя КГБ как-то монстром, да только с того времени много воды утекло. К началу 1980-го года вся Москва только и говорила, что о роскоши, в которой погряз министр, о его коррупционных связях с Галей Брежневой и с директором «Елисеевского» гастронома Соколовым, о его «мерседесах» и цацках его жены. А что до Андропова... Тут придраться было не к чему. В условиях всеобщего дефицита этот человек, приближенный к партийной верхушке и даже составляющий в какой-то мере ее костяк, ни разу не замарал себя взяткой, роскошью или «столом заказов». «От людей на деревне не спрячешься», – пел Вячеслав Тихонов в известном фильме, а коренной житель столицы Колесниченко знает, что Москва – «большая деревня». Потому кристальная честность Андропова была притчей во языцех, – и, сколько бы недоброжелатели не пыхтели, ничего черного не могло надолго прилипнуть к ней. Потому, наверное, недолгим был осадок, оставшийся в душе у Колесниченко после беседы с Щелоковым той майской ночью 1976 года. И поэтому на встречу с председателем КГБ шел он с легким сердцем.

Когда он вошел в самый высокий в прямом и переносном

смысле лубянский кабинет, там уже сидел, помимо его хозяйина, подтянутый седовласый человек – хоть и не старый, но уже в форме генерал– майора госбезопасности.

– Знакомьтесь, Владимир Иванович, – с порога начал Андропов. – Это Филипп Тимофеевич Бобков, наш лучший следователь. По распоряжению товарища Руденко будет представлять Комитет в составе следственной бригады, которую, как я понимаю, возглавляете вы?

– Так точно.

– Присаживайтесь. Итак, товарищи, не будем терять времени. Все в курсе, что вы выезжаете во Фрунзе для организации расследования убийства председателя Совмина Киргизской ССР Султана Ибраимовича Ибраимова. Что нам известно об убийстве на сегодняшний день? Практически мало. Каким– то образом некий человек, не из числа охраны или обслуживающего персонала, проник на территорию правительственного санатория в Чолпон– Ате. Застрелил шофера, после поднялся на второй этаж и застрелил самого Ибраимова. Так?

Колесниченко кивнул.

– Белиберда какая– то, – подытожил Андропов. – Ладно, я еще согласен допустить, что в отсталой стране, в банановой республике на территории Союза, где из ЧП случается только неурожай кукурузы, спустя рукава отнеслись к вопросам охраны правительственной резиденции. За это они получают свое. Но абсурдности картине добавляет тот факт, что пре-

ступник, явно не желавший оставлять в живых свидетелей, и потому убивший заметившего шофера Ибраимова, оставил в живых гостившего в тот вечер у него министра внутренних дел Узбекистана генерала Яхьяева. Что мешало ему застрелить генерала? И почему он не услышал выстрела в шофера, если был в доме? Почему не пресек покушение? Он же кадровый офицер МВД! И почему улетел с утра, хотя должен был гостить у Ибраимова еще два дня?!

– Юрий Владимирович, вы меня извините, но мне кажется этого мало для подозрений в адрес Яхьева... – сказал Колесниченко. – Я, конечно, понимаю, что МВД Союза и республик – ведомство, далекое от совершенства, но обвинять в убийстве...

– Я ожидал этого. А потому приведу вам несколько фактов, если не доказывающих причастность Яхьяева к убийству, то во всяком случае наводящих на мысли о необходимости более детальной проверки всех обстоятельств, связанных с его пребыванием в санатории «Иссык–Куль».

Бобков и Колесниченко напряженно слушали – по всему видно было, что человек не просто «в материале», а чрезвычайно хорошо владеет оперативной информацией. Что ж, значит не зря кресло просиживает, подумал Колесниченко. Его уважение к председателю КГБ, которого он видел в первый раз в жизни, постепенно росло.

– Начнем с того, как преступник проник на закрытую территорию санатория, пусть и плохо охраняемую. Через воро-

та? Не может быть. Остается через забор, вдоль которого дважды за ночь должны были проходить тамошние сотрудники ОВО. Вот полез бы он через забор и натолкнулся на них. Что тогда? Но он полез и не натолкнулся. Случайность? Не может быть. Значит, точно знал, когда именно притупится их бдительность.

– А она притупилась именно в ту ночь? – уточнил следователь.

– Именно в ту ночь. В домике охраны сотрудники республиканского КГБ изъяли несколько бутылок именного коньяка «Узбекистан» с портретом Шарафа Рашидова, который накануне привез генерал Яхьяев в подарок Ибраимову от его ташкентского друга, который должен был прилететь сам, но не смог по причине болезни. Далее. Выстрел в шофера Яхьяев «не слышит», и позволяет преступнику пройти в дом, но сам остается жив. Далее. Поднявшись на второй этаж, Яхьяев обнаруживает в постели тело Ибраимова, но не дает приказ опившейся охране заблокировать периметр, а велит разбудить врачей и вызвать «скорую помощь». Приказ об оцеплении отдает спустя 10 минут, дав, тем самым, возможность преступнику уйти. Я понимаю, при виде убитого друга даже кадровый офицер МВД может растеряться, но есть еще одно обстоятельство, наводящее на мысли. Как вам известно, товарищи, в компетенцию КГБ входит прослушивание телефонных переговоров первых лиц Союза и республик в целях обеспечения их безопасности. Так вот недавние переговоры

Ибраимова и Рашидова показали нам, что по инициативе покойного между ними должен был состояться очень важный и деликатный разговор. Говорил он и о том, что в случае, если понадобится, он готов этот разговор повести не только с Рашидовым, но и со мной...

– А о чем разговор?

– У покойника спросите. Из ближайшего его окружения нам доложили, что речь должна была пойти о колоссальных приписках хлопка в Узбекистане. Каким– то образом до Ибраимова дошли сведения о том, что ежегодно в республике приписывается до миллиона тонн хлопка, в действительности не собираемого с полей, а по документам – погибающего в процессе усушки, утруски, порчи при транспортировке с полей на фабрики. За этот хлопок Узбекистан из бюджета получает колоссальные дотации, после распределяемые Рашидовым среди всех участников этой преступной схемы. Мы об этом знаем давно, но нет прямых доказательств причастности того же Рашидова к припискам. А у Ибраимова они, как будто бы, были... Понимаете теперь, чем опасен он был Рашидову и почему тот отправил к нему своего верного пса?

– Если все так просто и на поверхности, – резонно заметил Колесниченко, – то нам с Филиппом Тимофеевичем надо ехать не во Фрунзе, а в Ташкент?

– В том– то и дело, что непросто. Мы не можем обнаружить эти сведения.

– Почему? Насколько мне известно, УПК РСФСР позволяет использовать в уголовном деле в качестве средств доказывания результаты ОРД, если они рассекречены в установленном законом порядке...

– А мы не можем их рассекретить.

– Почему?

– Потому что получили мы их от высокопоставленного сотрудника МВД. А ЦК, как вам, быть может известно, много лет назад по инициативе Щелокова принял постановление, запрещающее нам вербовать сотрудников МВД. Выходит, что, рассекретив данный источник, мы не только раз и навсегда его потеряем и тем самым понесем значительный урон в оперативном плане, но и дискредитируем себя перед Леонидом Ильичом – а он, как мне думается, проявит очень живой интерес к столь резонансному преступлению... Так что, товарищи, придется нам с вами сживаться с ролью собаки Павлова, которая все понимает, но сказать ничего не может – до тех пор, пока вы не проверите все версии, включая эту, и не соберете достаточно улик...

Присутствующие улыбнулись – Андропов, при всей его твердости и целеустремленности, умел, когда надо, разрядить обстановку в коллективе. После этой импровизированной паузы Колесниченко, с разрешения хозяина кабинета, взял слово, решив подытожить услышанное.

– Позвольте все– таки мне, как руководителю следственной группы, высказать свои соображения по изложенному...

– начал он. – Я согласен с Юрием Владимировичем в том, что убийство, вероятнее всего, не носит бытового характера, а имеет, если можно так выразиться, политический оттенок. Но, во– первых, у нас нет полномочий осуществлять непосредственную проверку событий в Ташкенте, в том числе на столь высоком уровне. А во– вторых, даже если полномочия эти нам будут предоставлены, мы должны обеспечить такую качественную работу на месте, чтобы наш будущий потенциальный собеседник не смог отпереться, чтобы был пригвожден к стене... фактами, добытыми вследствие оперативной и криминалистической работы во Фрунзе и в Чолпон– Ате. Так что, считаю, сосредоточиться надо именно на этом...

– Золотые слова, – резюмировал Андропов. – Для этого вам в помощь и выделяется генерал Бобков. Он, как я уже сказал, наш лучший следователь и лучший, не побоюсь этого слова, криминалист. В его распоряжении имеются криминалистические техники, еще неизвестные советской милиции и прокуратуре. Так, он может провести по отпечаткам пальцев не только дактилоскопическую – мало ли, вдруг преступника нет ни в одной базе данных, – а еще и генетическую экспертизу.

– Да, – включился в разговор доселе молчаливый Бобков. – Нам эту технику презентовали коллеги из Интерпола, когда по инициативе Юрия Владимировича мы обменялись с ними опытом оперативной работы...

– Была даже мысль нам присоединиться к Интерполу в це-

лях наиболее эффективного и оперативного раскрытия преступлений, связанных с валютой или незаконным вывозом ценностей, в частности... Но – не все в моей власти, – развел руками хозяин Лубянки.

– Так вот. Эта методика позволяет вычленить частички ДНК преступника по потожировым следам, оставленным им на месте преступления. Сами следы от соприкосновения с воздухом испаряются, а эти частички остаются. Если понадобится, прибегнем и к этим методам.

Колесниченко слышал о такой экспертизе впервые, и потому не мог скрыть своего удивления и возбуждения.

– Так значит, надо скорее вылетать, чтобы закрепить материальные следы преступления на месте, так сказать.

– Не волнуйтесь, Владимир Иванович, – осадил его степенный и терпеливый Андропов. – Уверяю вас, следы никуда не пропадут. Наши товарищи из республиканского комитета проведут работу по их закреплению как надо, они проинструктированы. Думаю, что вам надо на месте составить тщательный развернутый план оперативных и следственных мероприятий, все обсудить, обдумать, а уж с утра, на свежую голову отправляться к месту преступления. Завтра в 9 на военном аэродроме в Жуковском вас будет ждать мой самолет. Вы свободны.

Вечером, после напряженного трудового дня, проведенного в компании Бобкова на Лубянке, уставший следователь вернулся к себе домой, в маленькую квартирку в Ясенево. К

нему в гости пришел друг и сокурсник, майор КГБ Виктор Афанасьев. За рюмочкой разговорились они о новом деле, порученном Колесниченко, о его впечатлениях от беседы с Андроповым и о новом его коллеге – Филиппе Бобкове.

– Что? – смеялся Афанасьев. – Сказал, что это он инициировал сближение с Интерполом? Надо его совсем не знать, чтоб поверить. Это как раз– таки Щелокова была инициатива. Хоть его сейчас принято ругать, а все же он настаивал. А Андропов против был. Мол, капиталистам помогать преследовать деятелей рабочего движения мы не будем. Потом как– то раз помощь их понадобилась, они отказали. Щелоков – к Брежневу со своим любимым: «А я говорил». Ну тот кобеля и спустил на Юрия Владимировича. С тех пор он и решил себе эту инициативу присвоить и производить за счет нее впечатление на тех, кого видит в первый раз. Вот видишь, с тобой сработало... Прилгнул, как писал Гоголь. «А не прилгнувши и правды не расскажешь», а?

Оба рассмеялись.

– А вообще, – серьезно продолжал Афанасьев, – он отличный мужик. Честный, преданный делу партии и все такое. Обычно как эти наши функционеры выглядят? Напыщенные, толстые, зажавшиеся, и никто не в курсе реального положения дел, чего ни коснись. Это не про него. Он справедливый, и, что немаловажно в нашей работе, очень сведущий. Знает, о чем говорит. Впрочем, ты и сам уже мог в этом убедиться.

– А Бобков? Что ты о нем можешь сказать?

– Толковый следователь, – подумав немного, отвечал Виктор. – Хотя и служака. Выслуживаться любит, под козырек брать, бдит все время, как бы чего не вышло. Честью мундира дорожит. Хотя... не так, быть может, это и плохо, учитывая, как сильно запятнана она у других ведомств. А в остальном, думаю, сработаетесь. Он мужик с головой, да и ты тоже, так что... Поехали, а то остывает!

Глава вторая

«Генеральному прокурору СССР, государственному советнику юстиции 1 класса Руденко Р.А.

от старшего следователя по особо важным делам, советника юстиции Колесниченко В.И.

РАПОРТ

Докладываю, что 22 ноября 1980 года прибыл в составе назначенной Вами оперативно– следственной группы в г. Чолпон– Ату Киргизской ССР, для расследования произошедшего в ночь с 20 на 21 ноября убийства председателя СМ Киргизской ССР, кандидата в члены ЦК КПСС Ибраимова С.И. По прибытии я, своими полномочиями, ознакомился с результатами проведенных на месте, сотрудниками республиканского МВД и КГБ, оперативных мероприятий и установил следующее. В ходе прочесывания лесополосы, отделяющей правительственный санаторий «Иссык– Куль», на территории которого произошло убийство, от пролегающей мимо него автодороги «Чолпон– Ата – Пржевальск», был обнаружен гладкоствольный карабин «Белка», без патронов, в боевом состоянии, со следами пороха и гари в стволе. Анализ его экспертами– криминалистами КГБ СССР, входящими

ми в возглавляемую мной группу, показал, в сопоставлении с пулями, извлеченными из тела Ибраимова и его шофера, что именно данный карабин является орудием преступления. На карабине обнаружены отпечатки пальцев, совпадающие с хранящимися в картотеке КГБ отпечатками пальцев гр. Славина Алексея Николаевича, 1940 г.р., сына расстрелянного в 1941 г. православного священника из Курской области. Данные отпечатки получены у него в детском возрасте, при перемещении в детский дом для детей «врагов народа», откуда, согласно архивным данным, Славин А.Н. не выпускался, будучи, по всей видимости, расстрелянным или пропавшим без вести. Точных сведений о его судьбе не имеется, но по состоянию на ноябрь 1980 года человек с такими анкетными данными в г. Чолпон–Ате или Пржевальской области не проживал. Объяснить данное противоречие пока не представляется возможным, не исключая техническую ошибку.

Параллельно с этим мной были допрошены все инспектора ГАИ, дежурившие в ночь убийства на трассе «Чолпон–Ата – Пржевальск», которые показали, что в сторону правительственного санатория в течение всего дня 20.11.1980 заезжали только машины Ибраимова, в которых находился сам Ибраимов, обслуга санатория и приехавший к нему накануне министр внутренних дел Узбекской ССР Х.Яхьяев. Ни другие машины, ни рейсовые автобусы не поворачивали в сторону правительственного санатория. Между тем, 20.11.1980

около 17 час 30 мин мимо него проследовал рейсовый автобус, идущий из Чолпон– Аты в Пржевальск. Один из инспекторов ГАИ, вышедший на дежурство в связи с проследованием автоколонны Ибраимова в санаторий, видел, как примерно в 5 км от въезда в «Иссык– Куль» автобус остановился и из него вышел какой– то человек, вскоре пропавший у инспектора из виду.

Следователями, входящими в возглавляемую мной группу, допрошены все водители рейсовых автобусов, идущих по названному маршруту 20 ноября с.г. и в ближайшие дни. Один из них подтвердил, что 20.11.1980 управлял рейсовым автобусом, идущим в Пржевальск. Проехав территорию санатория, он остановился на обочине дороги по требованию одного из пассажиров, которого лично не знает, поскольку сам проживает в Пржевальске, а пассажир, по всей видимости, был жителем Чолпон– Аты. Пассажир на остановке вышел, а автобус продолжил следование по заданному маршруту. С его словесного описания пассажира экспертами– криминалистами был составлен фоторобот, который был предъявлен для опознания всем сотрудникам билетных касс автовокзала Чолпон– Аты.

Одна из сотрудниц опознала в нем жителя города Смагина Николая Джураевича, 1940 г.р., прораба СМУ– 74. При допросе его сослуживцев установлено, что 20 ноября Смагин на работу не вышел, после чего разыскать его возможным не представляется. Данные оперативного учета показы-

вают, что дома он также не появлялся, в контакты с родными и близкими не вступал. В г. Пржевальске был организован местный розыск Смагина, который также не дал результата. Оснований для всесоюзного розыска пока не вижу, так как не имеется прямых доказательств причастности Смагина к убийству Ибраимова. При этом личных непосредственных контактов с самим Ибраимов, его убитым шофером, их окружением Смагин, согласно показаниям родственников, никогда не имел. На оружии, как говорилось выше, обнаружены не принадлежащие ему отпечатки пальцев.

С целью устранения возможных противоречий счел возможным назначить биологическую экспертизу отпечатков пальцев, снятых с карабина «Белка», с целью установления возможных контактов Смагина с носителем оружия. До получения результатов экспертизы производство предварительного расследования приостановил. О дальнейшем движении следствия доложу дополнительно.

В.И. Колесниченко»

01 декабря 1980 года, Чолпон–Ата, Киргизская ССР

Машина областной прокуратуры подъехала к дому одного из старейших и самых уважаемых жителей города, ветерана ВОВ, в прошлом – видного партийного работника Джуры Акаева около 14 час. В машине, помимо шофера и на вся-

кий случай взятого с собой оперативника уголовного розыска, сидели Колесниченко и Бобков. Перед тем, как выйти генерал КГБ бросил своему коллеге:

– И почему мы только сейчас сюда приехали? К отцу человека, которого обвиняют в убийстве кандидата в члены ЦК, мы приходим в самую последнюю очередь! Кому скажи – три дня смеяться будут. Как будто мы не хотим оперативно расследовать дело, а, Владимир Иванович?

– Филипп Тимофеевич, – спокойно произнес следователь, – скажите, у вас родители есть?

– Умерли.

– Но были когда-то? Вы же их помните?

– Ну, положим, помню. Только не надо давить на сыновние чувства – меня, слава Богу, в убийстве председателя Совета министров республики пока никто не обвинял.

– И Смагина пока никто не обвиняет. Ну может быть такое, что ему стало плохо в дороге? Попросил остановить, рассчитывал, что ему окажут помощь, помощь, по старой доброй традиции, никто не оказал, потому что дорога была перекрыта в связи с движением кортежа Ибраимова. Человек упал без сознания, скорее всего, уже умер, а мы на него всех собак повесили заочно. Плевать, что отпечатки не его – не вышел на работу, да еще и как на грех проходил мимо, значит, что же, виноват? Э, нет, товарищ генерал, оперативно расследовать и правильно – не всегда одно и то же... Да и потом – не забывайте, что Акаев раньше работал в респуб-

ликанском ЦК. Сунуться в этот дом без проверки, с шашкой наголо может только генерал КГБ, да и то велик риск, что его потом по голове не погладят. А я, увы, пока не генерал. Так что, пойдем?

Хозяин – почтенный сухой старик в халате и тюбетейке – встречал гостей на пороге. Как чувствовал, что вот– вот должны они к нему прийти. Как будто скорее хотел вырвать этот больной зуб, устранить все противоречия. Да вот только мог ли? Если бы мог, то, с его– то советским почетным прошлым, давно бы уж стоял на пороге областной прокуратуры... Значит, что– то внутри него самого не давало ему сделать первый шаг. Была какая– то тайна, которая, как скелет в шкафу, отягощала ему дорогу. Долго думал об этом Колесниченко, и, наконец, сегодня сам решил все разведать.

По– восточному гостеприимный дом встречал даже таких, не вполне светских посетителей тепло. Пили чай, ели сладкую пахлаву, фрукты, даже зимой имевшиеся в доме ветерана. Колесниченко начал разговор напрямую.

– Скажите, Джура Акаевич, ваш сын...

Старик не дал ему договорить:

– Давно ходите вы как собаки вокруг моего дома. Давно хотите сказать, да молчите. Мать спрашивали, соседей спрашивали, куда Николай делся. А в газетах все подробно расписано. Я понял – вы его подозреваете. Но зачем, зачем ему вдруг понадобилось убивать Султана? Они и знакомы– то не были...

– Вот в этом мы и пытаемся разобраться. Пока никто не делает никаких выводов, даже приблизительных...

– А почему? Чего вам не хватает? Значит, нет у вас доказательств. Так зачем заставляете честного человека скрываться?

– Вы полагаете, он скрывается? У вас есть какие-либо данные? – подозрительно начал диалог Бобков.

– Даже если бы были, я бы вам не сказал, – зло проронил старик. – Не верю я, что он убил и скрылся. Думаю, что убежал от подозрений. Специально... Мой сын... Он не такой...

Внезапно старик закрыл испещренное морщинами лицо руками и заплакал навзрыд. Колесниченко вспомнил своего отца, такого же пожилого ветерана, который с годами стал таким же мнительным, постоянно стал писать и звонить сыну, когда тот в бесконечной череде командировок мотался по всему Союзу, видимо, боясь не успеть сказать простых трех слов... Ему стало жаль старика. И противно стало от осознания той миссии, что была на него возложена. Он вспомнил слова Андропова о возможной причастности к убийству генерала Яхьяева и Рашидова. И стало вдвойне мерзко – он, следователь прокуратуры, сидит и мучает почтенного старика, когда, возможно, настоящие убийцы спокойно восседают в правительственных кабинетах... Но получилось быстро взять себя в руки – ведь, если не этот допрос, все так и будут возводить напраслину на невиновного, а отыскать истинных преступников не получится никогда. Есть такое слово – «на-

до».

– Понимаете, – выпив воды и слегка придя в себя, начал он, – он мне больше, чем сын, хотя кровью мы с ним не связаны. Я взял его из детского дома, когда в 1945–ом героем вернулся с войны...

– Простите, а из какого детского дома?

– Для детей врагов народа.

Эта фраза резанула Колесниченко и Бобкова по ушам. Они переглянулись – и без слов поняли: разгадка практически найдена.

– А почему вы решили его взять?

– Видите ли, я родом из Пржевальска. Вернее, тогда он назывался Каракол. Там издревле жили и соседствовали представители многих национальностей, религий и культур. Там еще до революции стояла пагода, были мечеть и православная церковь. Сам я раньше верующим не был – сами понимаете, в партии был не последним человеком. С годами только стал, да и то... А был у меня там друг, священник из православной церкви. Отец Николай. Часто я его вспоминаю. Хорошо мы с ним дружили, крепко. Родители мои рано умерли, так он мне вроде старшего брата и стал. Вере в Бога меня учил, да только, как видно, все без толку. Я так думал – что же это за Бог, если он таким несправедливостям на земле твориться разрешает?! Я на войну в 41–ом ушел, в 45–ом вернулся, пришел к нему – а мне говорят, что его сразу после моей мобилизации расстреляли. И как Бог, думал я, мог

позволить такому чистому человеку в таких муках умереть? За неправду пострадать? Он не был предателем, а его обвинили. Я знаю – это горько... Так вот. У него в 40-ом еще сын родился. Я стал выяснять, где он, что с ним. Сказали, что отправили в детский дом как сына врага народа. Я туда. Забрал его. Конечно, давать не хотели, зачем, говорят, тебе, Джура, биографию портить? Один большой человек вступился, помог. Мы тогда Коле сменили фамилию и имя.

– А как его звали? Какая была фамилия?

– Алексей Славин. – Раскатом гром прозвучал ответ старика. Сыщики окончательно поняли, что не ошиблись. Но, почему– то, чем дальше шел рассказ, тем менее понятно становилось, за что его сыну понадобилось убивать Ибраимова... – Я назвал его Колей, в честь погибшего отца. А фамилию сменили на Смагин. В детском доме документы все подчистили, что концов теперь не найдешь.

– Скажите, – спросил Бобков, – а он когда–нибудь высказывал недовольство Советской властью или своей жизнью вообще? Вы ведь были большим человеком в городе, длительное время возглавляли партийную организацию. Не думаю, чтобы он в чем–нибудь нуждался... Разве что вспомнил отца?

– Не вспоминал он об отце. Маленький был совсем. Да и мы с моей Розой все сделали, чтобы эта печаль его не тревожила и скорее ушла из памяти. Да, даже если и вспомнил, то причем тут Султан? У него у самого отца расстреляли. Он

был чистый человек, как и мой Коля – всем он был доволен, все у него было. Жены, правда, не было – так того он сам не хотел. А я хотел внуков...

– А почему вы не дали Алексею свою фамилию?

– Ну, во– первых, сложно было бы обеспечить пропажу из детского дома одного, пусть даже и никому не нужного ребенка, чтобы от него совсем не осталось никаких следов. Сначала в книги учета внесли пару записей, нарочно спутав фамилии. Заменить одну букву и тем самым начать стирать человека из памяти и из архивов куда проще, чем убить Славина и родить Акаева на ровном месте. А во– вторых... на войне меня ранили. Детей я иметь не мог, и об этом многие знали. Мальчик– то ведь русский, и все равно однажды бы узнал, что я ему не настоящий отец. Так зачем после его мучить, зачем воспитывать во лжи?

Внезапно в соседней комнате раздался телефонный звонок. Жена старика стала на пороге, удивленно уставилась на Бобкова и сказала:

– Это вас.

Генерал вышел, кратко поговорил с кем– то, вернулся в комнату и вполголоса сказал, глядя на следователя:

– Отпечатки пальцев, взятые с рабочей каски Смагина на его работе, в СМУ– 74, совпадают с теми, что нашли на ка- рабине.

Колесниченко опустил голову, потом посмотрел пристально на хозяина дома и с обреченностью в голосе произ-

нес:

– У нас для вас плохие новости, Джура Акаевич.

Старик задрожал всем телом, напрягся и что было сил закричал, так, что, казалось, на улице стало слышно:

– Нет! Только не это!

...Когда Колесниченко и Бобков выходили из дома, оставив старика наедине со своим горем, мимо них трассирующими рядами в сторону дома пролетели несколько камней. Тяжелыми ударами приземлились они в железные ворота и снова отскочили на землю – так, что московские гости едва успели пригнуть головы и не стать жертвами уличных хулиганов.

– Совсем озверели! Среди бела дня! – крикнул оперативник, выпрыгнув из машины и стремглав бросившись к Колесниченко. – Вы в порядке, Владимир Иванович? Догнать?

– Не надо, – махнул рукой Бобков. Его спокойствие показалось следователю странным, сложилось впечатление, что он знал что-то, чего не знал следователь Генеральной прокуратуры. – Я сейчас все объясню, – прочтя в глазах своего менее опытного коллеги вопрос, упредил генерал. – Поехали к горисполкому.

Подъехав к зданию властного органа, Колесниченко узрел картину наподобие тех, что по телевизору обычно показывали в рубрике «Народ Чили недоволен режимом Пиночета». Несколько десятков человек – правда, без транспарантов, но с камнями в руках – собрались у здания исполнитель-

ного комитета. Все, как один, они скандировали: «Хо– дос, у– хо– ди! Хо– дос, у– хо– ди!» Милиция, конечно, взяла их в оцепление, но действий никаких не предпринимала – толпа не двигалась с места, и формального повода к активным действиям у стражей порядка не было. Колесниченко слышал про голодные бунты времен Ленина и Сталина, про расстрел в Новочеркаске в 1962 году, но видел такое впервые – непривычно было советскому человеку видеть, что кто– то в его стране выказывает столь явное недовольство своей властью.

– Это что ж такое? – не скрывая удивления, спросил он у Бобкова.

– Они недовольны назначением русского на пост Ибраимова.

– Бунт на национальной почве? В СССР? – удивлению следователя все еще не было предела. – И местная власть смотрит на это сквозь пальцы?

– А что, стрелять по ним прикажешь? Второй Новочеркасск устроим? Только на дворе– то не 62– ой год, ничего от людей не скроешь. И потом, если помнишь, тогда это Хрущеву должности стоило... А сейчас?... – генерал осекся, не желая доводить свою крамольную мысль до конца. Все– таки, они с Колесниченко в сущности еще были очень мало знакомы.

– Так что же делать?

– Потом объясню. Погоди.

С этими словами Бобков вышел из машины, подошел к старшему милиционеру из оцепления, выслушал его доклад, что— то ему сказал, после чего прорвался сквозь толпу и поднялся на крыльцо исполкома. Толпа затихла, а Колесниченко вышел из машины и стал наблюдать за происходящим непосредственно.

– Товарищи, – подняв руку вверх, обратился к толпе Бобков. – Я генерал КГБ СССР Бобков, приехал сюда, чтобы обеспечивать порядок и законность в республике. Я отлично понимаю ваше нежелание назначения на должность председателя Совмина товарища Ходоса. И от лица партии и государства заверяю вас в том, что решение о назначении на вакантную должность кого бы то ни было еще не принято. Принимать его будет ЦК КПСС с обязательным учетом мнения ЦК Компартии Киргизии, в правильности выбора которой никто не сомневается. Товарищ Ходос временно замещает должность покойного товарища Ибраимова, не более. Поводов для волнения нет! Призываю вас разойтись по домам!

Колесниченко ушам своим не верил – за такую крамолу любого другого давно стерли бы в порошок, но генералам КГБ, как он видел, позволено в этой стране практически все. «Что ж, *bon licet jovi, non licet bovi*».

На толпу, меж тем, слова Бобкова произвели должное впечатление – люди затихли, началось шатание. Вдруг из толпы послышался голос:

– Когда найдете убийцу Султана?

– Личность его уже установлена, скоро он будет найден и доставлен во Фрунзе, где с ним будут проводиться следственные действия. Призываю вас не делать скоропалительных выводов и никого не осуждать, вы можете допустить роковую ошибку! А теперь – расходитесь, товарищи!

Перекинувшись парой слов с местным руководством, час спустя Бобков и Колесниченко возвращались на той же машине во Фрунзе, где им предстояло выступить с отчетом о результатах следствия перед своей группой, раздать новые задания, обеспечить розыск Смагина, в причастности которого к убийству Ибраимова теперь не было сомнений. Только сейчас Колесниченко решился, наконец, выяснить у Бобкова истинную природу тех событий, чьими участниками стали они сегодня днем в Чолпон–Ате – слишком уж необычными для государства «развитого социализма» были они в понятии следователя.

– Понимаешь, с самого момента основания Киргизской ССР во главе ее всегда стояли русские, – начал Бобков.

– И что в этом плохого?

– Ты, ради интереса, в местные магазины заходил? Видел там что–нибудь на полках?

– Практически мало, – улыбнулся Колесниченко.

– Вот. А все почему? Потому что Киргизия, если ты не знаешь, входит в третью категорию обеспечения и снабжения. Слышал что–нибудь про это? Первая – это Московская и Ленинградская области, там центр, там все понятно. Вто-

рая – это регионы, производящие стратегическое сырье, товары, продукцию. Где космодромы да шахты нефтяные. А третья – это остальной Союз. Несмотря на то, что республика в плане природных богатств – просто Клондайк, – эти ресурсы, носящие, в основном, рекреационный характер, никому не нужны. Все, что здесь добывается, сдается в центр, а из центра получает республика по третьей категории. Какой–нибудь Казахстан в пять раз меньше продукции сдает, но там Байконур – и поэтому ему вторая категория.

– Опять не пойму, причем тут русские?

– Да при том, что тот, кто сдает и тот, кто деньги из Москвы получает, переговоры ведет – верхушка партийная – само как сыр в масле катается, а на народ плюет с высокой колокольни, потому что народ этот даже не одной с ним крови, не одной национальности. Был бы там киргиз, вспомнил бы, как сам до прихода во власть верблюжью колючку жевал, и, наверное, по–другому повел бы свой диалог с Москвой. Да только киргизов сюда не ставили со времен Владимира Ильича – даже татары были, а киргизов не было. Стоило 10 лет назад первому киргизу, Турдакуну Усубалиевичу Усубалиеву, возглавить местный ЦК, так сразу во вторую категорию по снабжению перевели. Отдельный приказ Госплана издали, как сейчас помню. Потом присмотрелись – стоит ли национальную республику без особых оснований так баловать? Не оплатят ли они нам взрывом национализма? Не захотят ли в суверенитет поиграть? При такой–то бли-

зости с не всегда дружелюбным Китаем надо ли нам это? И поставили председателем Совета министров русского. Белоруса, точнее. Ходоса, он, кстати, и сейчас, после смерти Ибраимова исполняет его обязанности. Зачем, спрашивается? А затем, что партия – это партия, власть, как говорится, законодательная, а Совет министров – власть исполнительная. Партия решила – хорошо, да только не всегда даже в центре ее решения правительством исполняются. Вот тогда Ходос этот и вышел в Верховный Совет с ходатайством о снятии второй категории и возвращении третьей. Вернули. Мол, в бюджете дефицит, на оборону денег не хватает. Тогда киргизы взбрыкнули – и Леониду Ильичу пришлось пойти у них на поводу, назначить Ибраимова. Второй категории, конечно, не увидали они как своих ушей, но в чем – то жить лучше стали. Свободнее, что ли. Ибраимов был молодой, перспективный руководитель – думаю, что с его потенциальным уходом в Москву многие его земляки связывали надежды на светлое будущее. Но, как видишь, не суждено было им сбыться. Вот они и психуют. Русских во всем обвиняют, а уж над убийцей Ибраимова и вовсе бы, неровен час, самосуд устроили. Так что, наверное, даже хорошо, что он сбежал. Мы с тобой мимо дома прошли, и то едва по кумполу, как говорят, не получили, а уж что они с ним могут сделать – и представить страшно...

Колесниченко смотрел на своего умудренного опытом собеседника и понимал, что, в сущности, еще очень многого

не знает и не понимает. Казалось бы, следствие – его профессия, в которой он за 10 лет службы не одну собаку съел. А тут – подумать только! – вмешался восточный колорит, и очевидные вещи стали невероятными, а невероятные – очевидными. «Все–таки хорошо, – подумал он, – что Андропов отправил его со мной. Опытный мужик, прав был Виктор. Без него я бы тут наломал дров...»

07 декабря, Куйбышев, РСФСР

Известие об обнаружении Смагина, объявленного накануне во всесоюзный розыск, пришло из далекого Куйбышева. А вернее, из маленького городка под Куйбышевом, который назывался Чапаевск. Путьевой обходчик заметил в стоявшей на тупиковом пути электричке какое–то странное движение. Сунулся туда – и обнаружил висящий в петле труп. Прибывшие на его зов сотрудники линейного отдела быстро сверили его с недавно пришедшей из Фрунзе ориентировкой – благо, на ней был уже не фоторобот, а полноценная фотография, сделанная незадолго до его исчезновения, из домашнего архива. Совпадение обнаружилось по 9 точкам из 10. Оставалось только информировать об этом Прокуратуру СССР и ждать приезда Колесниченко и Бобкова, срочно командированных к месту обнаружения трупа, чтобы, так сказать, на месте все проверить. Вполне возможно, что самоубийство было лишь инсценировкой, к которой прибегли

истинные заказчики преступления, чтобы замести следы.

Бобков с корабля на бал отправился на станцию – все–таки, его основные функции были криминалистические, ему важно было осмотреть следы и проверить их фиксацию местными службами. Колесниченко же посетил начальника ГУ–ВД Куйбышевского облисполкома генерала Степанова. Тот сам накануне звонил ему и просил приехать, чтобы отчитаться о проведенной сотрудниками милиции работе. В двух словах Степанов описал ему историю обнаружения трупа, сообщил о найденной рядом с ним предсмертной записке со словами: «Я буду убивать киргизов, где бы они мне ни попались».

– А где сейчас эта записка?

– На месте осталась. Я распорядился ее сохранить, чтобы, так сказать, в первоизданном виде передать вашим экспертам. Думаю, там будет экспертиза не только по почерку... Но суть не в ней. Мы там еще кое– что нашли.

– Что же?

Вместо ответа генерал извлек из сейфа пластиковый пакет, в котором была аккуратно запечатана маленькая брошюрка. На бумажной обложке был нарисован типографским способом герб Киргизии, а под ним на двух языках – русском и киргизском – красовался заголовок: «Памятка депутата Верховного Совета Киргизской ССР».

– Вот. При трупе было. Там содержатся адреса и прочие персональные данные всей верхушки Киргизии.

– Неудивительно, ведь Смагина мы подозревали в убийстве Ибраимова. Понятно теперь, откуда он получал информацию о своей будущей жертве.

Генерал смотрел на следователя как– то заговорщицки.

– Это само собой, но тут есть одна деталь, как мне кажется, важная, которой я хотел поделиться лично с вами.

– Почему со мной?

– Потому что я – генерал МВД. И генералу КГБ не могу доверять по определению.

– Разумное объяснение, – улыбнулся Колесниченко. – Так что это за деталь?

– Вот.

Генерал открыл форзац книжки и обратил внимание следователя на библиотечный штамп. На нем был какой– то неразборчивый, стершийся от времени герб, а внизу надпись: ««Бутун дунё пролетарлари, бирлашингиз!» Государственная библиотека ЦК Коммунистической партии Узбекистана, г. Ташкент».

– Что это значит?

– «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

– Я не об этом.

– А! Это значит, что книжку он получил в Госбиблиотеке ЦК партии совсем другой страны, в Ташкенте. Вам не кажется это странным?..

«Рашидов. Яхъяев. Точно. Андропов был прав. Надо срочно информировать его о нашей находке!»

– Кажется. Я незамедлительно доложу о вашей находке в центр. А вам могу сказать спасибо за то, что сохранили ее для меня...

«Да, всякое могло бы случиться, попади она к Бобкову – предвижу, что, после всего, увиденного в Чолпон– Ате, ему, как человеку осторожному, сей вещдок может не понравиться. Надо срочно его найти!»

Диалог Колесниченко и Бобкова состоялся в здании областного КГБ, где генерал едва ли не грудью защищал телефон спецсвязи, по которому следователь тщетно пытался созвониться с Андроповым, чтобы доложить ему о находке.

– После всего того, что я тебе рассказал, ты все еще хочешь обнародовать записку и эту злосчастную книжонку? Сделать их достоянием гласности? Ведь в республике обо всем узнают, и тогда народных волнений точно не избежать. Представляешь, что начнется, если в приграничной с Китаем национальной республике, произойдет эдакий информационный взрыв? Сколько русских могут пострадать? А киргизов? Ведь придется вводить там чрезвычайное положение, может быть, даже вводить войска!

– А вы считаете, что народ поверит в такие итоги нашего следствия? Будет довольствоваться трупом убийцы?

– А что не так? Непосредственные доказательства его причастности к убийству Ибраимова нами найдены!

– А следы того, кто его направил, нет! Если верить его записке, то почему тогда он бомбу не пронес в здание ЦК

Компартии Киргизии? Тогда бы куда больше убил киргизов, чем тайно, ночью в кровати одного, пусть и высокопоставленного! Вошел бы сразу в историю, и не пришлось бы писать оправдательных предсмертных записок. Если ее, конечно, вообще он написал... Вы разве не помните, о чем нам говорил Юрий Владимирович перед отъездом?

– Не надо слова руководства понимать так буквально, – отмахнулся Бобков. Слова генерала показались Колесниченко неубедительными.

– И все–таки. Вы, конечно, старше меня по возрасту, и по званию, но руководитель следственной группы все–таки я. И я требую предоставить мне прямую связь с председателем КГБ СССР Андроповым. Если он меня не поймет, не услышит – это будет его решение. Но влиять на него и, тем более, дезинформировать вы, как человек военный, не имеете права.

Бобков с чувством усталой обреченности посмотрел на молодого упрянца.

– Да нет, – сказал он. – Он поймет и услышит. Вот только, будет ли это хорошо.

– Я, Филипп Тимофеевич, не Христос – чтобы все, что я делал, было хорошо. Так я могу позвонить?

– Звони. Только отвечать за последствия будешь сам – даже в том случае, если до конца их не осознаешь.

Андропов выслушал доклад Колесниченко внимательно и не перебивая. В конце сказал буквально два слова:

– Возвращайтесь в Москву. Оба. Книжку везите с собой.
Следствие еще не окончено.

Глава третья

08 декабря 1980 года, Москва, Лубянка

– Ну и ну, – с порога начал Андропов, когда Колесниченко и Бобков вошли в его кабинет. – Никак не мог ожидать такого демарша от генерала КГБ... – Бобков опустил глаза – он понял, что его непосредственный начальник ведет речь о книжке, которую он намерен попытаться от него утаить, но сделал это как – то посредственно и непродуманно. Колесниченко было непривычно видеть человека такого уровня потупившим взор, пускай даже и перед председателем самой могущественной силовой структуры в СССР. – Добиться таких результатов в столь короткий срок, и попытаться обойти вниманием самую главную находку, которая может привести нас к действительным заказчикам и организаторам не только этого убийства, но и, возможно, целой цепочки других преступлений!

– Товарищ генерал армии, я лишь хотел предотвратить возможные народные волнения в республике, – вяло начал оправдываться Бобков, чья логика и последовательность мыслей еще вчера удивляли следователя. Оттого сегодняшние его оправдания никак не ассоциировались в мозгу с образом всесильного и умного генерала госбезопасности. – Сами понимаете, что такая находка, вкупе с предсмертной за-

пиской Смагина, может значить только одно: что все представители власти, являющиеся киргизами, на своей родине находятся в постоянной опасности. Сколько еще таких книжек разошлось по всей Киргизии? Быть может, Смагин был лишь представителем какой-либо преступной группы, которая поставила убийства киргизских политиков на поток? А, даже если нет, где гарантия, что, опасаясь за свою независимость, киргизы не начнут убивать русских, так сказать, впрок? Мы с Владимиром Ивановичем уже видели некое подобие народного выступления в Чолпон-Ате, и повторение его...

– Я понимаю. Я тоже сначала так подумал, – ответил Андропов, снова удивляющий собеседников своим глубоким знанием оперативного материала и умением просчитывать на два шага вперед. – А потом вспомнил, что во время одного из приемов в ЦК Компартии Узбекистана видел точно такую же книжку на столе у Рашидова. Было это месяца два тому назад, когда нашу делегацию туда отправили с целью вручить Рашидову очередной вымпел за победу в социалистическом соревновании по сбору хлопка. Он, как вы понимаете, в очередной раз рапортовал о своих «успехах», складывающихся, в основном, из приписок, а мы от имени партии, все еще блуждающей впотьмах относительно его истинного лица, должны были его чествовать и премировать. И вот тогда взгляд мой случайно упал на такую вот книжку на его столе. Я еще тогда подумал: что бы ей у него делать? Какое

отношение он имеет к Киргизии? И тут, вдруг, такая находка! Да вы садитесь, товарищи...

Колесниченко и Бобков сели за стол, а Андропов вышел из— за него и стал продолжать, нервно расхаживая по кабинету взад— вперед.

— Буквально вчера я поручил нашим товарищам из КГБ Узбекистана проверить, имелась ли в Библиотеке ЦК в Ташкенте такая книжка, которая, как мне удалось выяснить, вообще была выпущена ограниченным тиражом и была закрыта для распространения. Да, имелась! Подарил ее библиотеке не кто иной как сам покойный Ибраимов во время одного из дружественных визитов к Рашидову. Рашидов долго держал ее на руках, но две недели назад вернул, после чего, согласно библиотечному формуляру, книжка была выдана на руки министру внутренних дел Яхьяеву. Причем, последний до сих пор не возвратил ее в библиотечный фонд!

— Вот те раз! — всплеснул руками Бобков. — Но зачем она понадобилась ему?

— Как зачем? Чтобы спланировать покушение на Ибраимова, нужно было располагать точными сведениями, где он проживает, где отдыхает, какие имеет контактные телефоны, и кто является его соседями. Начать расспрашивать самого Ибраимова Рашидову и Яхьяеву было как— то не с руки, он мог бы заподозрить неладное и активизировать работу в Москве. Значит, навести все эти справки им предстояло тайно, инкогнито от него. Чем они и занялись на основании дан-

ной книжки. Яхъяев, приехавший во Фрунзе, незадолго до убийства Ибраимова, передал книжку Смагину и возложил на него всю подготовку к покушению. Времени на встречи у него было мало, ведь он практически все время проводил в компании Ибраимова – потому сам он не мог курировать каждый шаг убийцы от и до. Если бы сам взялся, то уж наверняка не допустил бы таких ляпов, как отпечатки пальцев на карабине и следование убийцы до места преступления на рейсовом автобусе...

– Верно, – задумался Колесниченко. – Выходит, что Яхъяев, посланный Рашидовым специально с целью убить Ибраимова и не дать ему встретиться с вами или с кем-либо из состава ЦК, передал Смагину книжку, по которой тот самостоятельно спланировал и осуществил преступление? Поскольку сам Яхъяев присутствовал при убийстве, то сопротивления Смагину не оказал. Но в дальнейшем подготовка оказалась столь топорной, что, предчувствуя скорый крах, генерал спешно вернулся в Ташкент! Выходит, так?..

– Именно.

– Но где доказательства встречи Яхъяева и Смагина накануне убийства?

– Эти доказательства предстоит добыть уже в Ташкенте. Генерал там забаррикадировался, Рашидов будет его защищать как зеницу ока. Но и без этих доказательств – разве уже собранного мало, чтобы заподозрить Яхъяева?

– Более, чем достаточно, – согласился Колесниченко. –

Так значит, нам выезжать в Ташкент?

– Не совсем. В Ташкент поедет только генерал Бобков. Работы осталось не так много, и вся она носит технический характер, так что Вашего присутствия и участия практически не требует. Вы сегодня же поступаете в распоряжение Прокурора СССР – для вас есть новая работа.

Последнюю фразу Андропов сказал как– то особенно проникновенно и глядя Колесниченко в глаза, так, что ему показалось, будто он каким– то образом заинтересован в деле, что вот– вот ему должны поручить.

– Что за работа? – уточнил следователь.

– Ограблена вдова писателя Алексея Толстого. Из квартиры вынесено множество драгоценных камней и золотых украшений. Следов пока никаких.

– А КГБ тоже будет принимать участие в расследовании?

– Само собой. Когда речь идет о похищенных драгоценностях, которые вот– вот могут оказаться вывезенными за рубеж – сами понимаете, что тут их просто некому продать, – Комитет всегда включается в расследование. Но на сей раз мы включимся в него через вас.

– Это как?

– Вы показали себя как отличный работник во время работы в Киргизии, так что теперь я бы попросил вас не менее отлично провести все и в Москве. Я понимаю – вы подотчетны Роману Андреевичу, – но прошу вас и меня держать в курсе следствия. Не подумайте, это не стукачество, но те

методы, которыми, как вы видите, работает союзное МВД, если не преступны, то уж точно далеки от идеала.

– А причем тут МВД?

– Оперативную работу будут вести они. Не исключен стговор высшего руководства МВД с теми, кто организовал ограбление – вам отлично известна тяга первых к роскоши вообще и к бриллиантам в частности. Потому велик риск того, что, без поддержки сверху, вы можете оказаться в ловушке оперативников, которые либо вообще ничего не будут делать, либо поведут вас по ложному следу. Допускаете такой вариант?

– Допускаю, – Андропов был прав, и следовательно было бы глупо не соглашаться с теми истинами, что он озвучивал.

– А допускаете, что Роман Андреевич, человек пожилой и неконфликтный, пойдет на поводу у Щелокова и должной поддержки в вопросах ведения следствия вам не окажет?

– Допускаю.

– Значит, можно считать, что мы договорились?

– Так точно, товарищ генерал армии.

20 октября 1943 года, тот же кабинет

Писатель Алексей Николаевич Толстой появился в приемной руководителя контрразведки «СМЕРШ» Виктора Абакумова ровно в назначенное время, около 17 час 45 мин. Не признать этого человека даже тому, кто никогда не видел

в его лицо было невозможно. Хотя внешность у него была весьма характерная и запоминающаяся. Огромный, грузный человек с шаркающей походкой и лысой практически головой, с боков которой некрасиво свисали остатки волос; с каплями белесых отсутствующих глаз на умиротворенном лице, в скрывающем их истинное выражение от всего мира затемненном пенсне, – весь он будто своей несуразностью напоминал своего же героя, кота Базилио из знаменитой сказки. Единожды увидев его, забыть было уже невозможно. Но даже тем, кто никогда не видел его воочию, его гнусавый, надменный и никогда не умолкающий голос едва ли не с порога возвещал, что перед ними знаменитый «красный граф» и секретарь Союза писателей.

И возвещал не просто так – с этим человеком советская верхушка очень считалась. Начала она это делать с того момента, как из эмиграции в конце 1920–х вернулся Максим Горький и потянул за собой молодого и талантливого писателя, родственника Льва Толстого, без чьей идеологии не существовало бы философии большевизма. Он нужен был Советской власти, чтобы плюнуть в лицо всему западному миру и всей эмиграции – продемонстрировав, что в СССР даже графу живется вольготно, пишется и думается легче, чем у них, и потому абсурдны все кривотолки, что отпускают вчерашние члены Антанты относительно подавления свободомыслия в молодом советском государстве в отношении «бывших людей». Нет, не подумайте, комфортно и удобно

здесь не только пролетарскому писателю Горькому, но и надменно–выспреннему Толстому даже с его незавидным родовитым прошлым!

Таким образом, на каком–то этапе ему просто повезло – выбери Горький в попутчики кого–нибудь другого из бывшего эмигрантского круга, например, своего приятеля Ходасевича, рады были бы и ему. На Толстом просто удачно сошлись звезды – да и не просто эмигрантом он был, а родственником первого поборника правды и справедливости при кровопролитном царском режиме, самого Льва Николаевича! Это было только начало – в последующем Советская власть все так же продолжала расстреливать похожих на него образом мыслей и прошлым людей, а его только осыпала благами, продолжая делать перед Западом хорошую мину при плохой игре. Алексей Николаевич же достаточно быстро вжился в роль, стал потакать новой власти, с удовольствием принимая от нее подарки. И потому, стоило Западу что–нибудь проронить в отношении какого–либо двусмысленного шага Советской власти – в большие кабинеты тут же вызывался Толстой, получал премию или орден, или просто ценный подарок, а также поручение срочно высказаться по спорному вопросу так, как угодно в Москве – и вскоре весь мир уже читал его гневные и возмущенные статьи касательно той напраслины, что Англия и Америка неустанно возводят на СССР. Могли ли догадаться о том, что писатель давно проданся? Могли, но не хватало извилин в мозгу и совести,

чтобы стать на позицию графа – человека в высшей степени достойного, – который ради праха и тлена желтого металла опустил бы до лжи, да еще во всемирном масштабе. А он опустил, и уже давно. И, судя даже по своим дневниковым записям, перестал это от себя скрывать...

Абакумов назначил ему явиться под конец рабочего дня, когда Лубянка пустела, и основное место действия переключалось на фронты, а также на явочные квартиры. Все–таки тот факт, что писателя – человека по определению неподкупного – подкупают, да еще и в таких кабинетах, должен был быть скрыт от посторонних глаз. Задержав с приемом писателя всего на 15 минут – у него в это время находился его заместитель по следствию Рюмин, – генерал принял инженера человеческих душ ровно в шесть часов.

– Присаживайтесь, Алексей Николаевич.

– Спасибо, – гнусавым голоском отвечал граф. Абакумову он сразу не понравился, но обходить приказы Сталина было не в его офицерской натуре.

– На днях только ознакомился с вашим замечательным очерком, который вы написали и опубликовали в «Правде» относительно краснодарского процесса над коллаборационистами и пособниками гитлеровских захватчиков. Замечательно, остро, емко, за душу берет! Должен вам сказать, что наши так называемые «союзники», которые еще вчера с оружием в руках преступали Советской власти и направляли сюда шпионов да интервентов в диком количестве, пер-

вое время настаивали на том, чтобы в состав трибунала, который рассматривал дело краснодарских предателей, были включены представители и их военной юстиции. Дескать, у нас происходит много несправедливых казней, а правосудие в отношении пособников Гитлера должно быть показательно справедливым – чтобы весь мир видел, что принцип гуманизма в том, чтобы не отвечать преступлением на преступление. Но вы им такую славную отповедь дали в своем очерке! И, кстати, не оставили ни малейшего сомнения в том, что приговор в отношении всех предателей был вынесен законный и обоснованный. Думаю, что наши союзники давно уже перевели ваш очерк, а сейчас читают и локти кусают! – Генерал и его посетитель улыбнулись друг другу. – Одним словом, и от меня, и от партии, и лично от товарища Сталина спасибо вам за это!..

– Ну что вы, Виктор Семенович. Как говорится, чем могу...

– Можете, Алексей Николаевич. Потому я вас и пригласил, что можете. Видите ли в чем дело... Я буду говорить с вами начистоту... – Начальник контрразведки встал из-за стола и заходил по кабинету, пряча глаза от собеседника. Понятно было, что ему нелегко вести этот разговор. – После раздела Польши по пакту Молотова– Риббентропа 1939 года, о котором вам писал товарищ Сталин в своем письме, на переданной нам территории осталось очень много польских солдат, которые принимали активное участие в войне

против Советской России, которая с подписанием пакта, как вы помните, закончилась. Так вот. Мы тогда не передали их полякам...

– Да, товарищ Сталин говорил кажется, что они убежали в Маньчжурию.

– Он действительно так говорил, но в угоду, так скажем, политической обстановке. Он не мог говорить иначе, если угодно. В действительности должен вам сказать, что никуда они не убежали, а были нами расстреляны и захоронены в районе Катыни. Так вот, несколько месяцев назад, когда Катынь была еще занята войсками вермахта, оккупанты обнаружили там несколько массовых захоронений, произвели эксгумацию и установили с относительной точностью, что эти тела принадлежат польским офицерам, погибшим в результате расстрела советскими патронами из советского оружия. Нашли там в спешке брошенный архив местного УНКВД, который подтвердил их догадки относительно происхождения тел... И вот сейчас Катынь мы освободили. Союзники нажимают – снова требуют, чтобы мы разрешили им доступ к захоронениям, чтобы они лично могли убедиться, что это тела, как мы им сообщаем, расстрелянных немцами местных жителей, а не офицеров Армии Крайовой, как оно есть в действительности. Под их давлением нам пришлось создать комиссию для опровержения этого факта.

– А почему все же не допустить их сюда? – писатель то ли сморозил глупость, то ли правда не понимал опасности

происходящего.

– Да вы что, с ума сошли?! Извините, но в этом случае будет установлено, что мы занимаемся тут не меньшим геноцидом, чем гитлеровцы на оккупированных территориях, и еще неизвестно, будет ли вообще когда–нибудь открыт второй фронт. Не думаете ли вы, что после таких вот открытий наши союзники вступят в переговоры с Гитлером, которых он давно ищет и, в поисках которых, готов пойти на любые уступки, и тогда исход войны будет непредсказуем и печален?! Не только для нас, но и для вас!

– Вы правы. Так что я могу сделать?

– Вы должны войти в состав комиссии и подтвердить, как писатель с мировым именем – написав статью, очерк, книгу полноценную. Вам виднее, – что в могилах жертвы не наших, а гитлеровских войск.

Писатель задумался и потер бороду ладонью.

– Да уж, интересно. Если в первый раз, когда речь шла об освещении процесса, у меня проблем практически не было, то теперь... Это ведь будет откровенная фальшивка с моей стороны! Когда–нибудь правда все равно вскроется, и тогда...

– Я предвидел ваш ответ, – прервал его Абакумов, подошел к столу, открыл один из его ящиков и протянул писателю извлеченный оттуда маленький предмет. Тот стал разглядывать его и ахнул:

– Это же королевская лилия! Огранка из белого золота и

21 бриллиант! Не может быть! Откуда это у вас?!

– Мне доложили, как вы смотрели на этот экспонат во время осмотра музея в Краснодаре, сразу после его освобождения. И долго не выпускали из рук. Вот я и решил, что всякая работа, а тем более, такая важная, как ваша, должна быть вознаграждена. Это вам за то, что окажете Советской власти маленькую – да– да, для вас она крохотная – услугу. Так как?

– За живое задели... Что ж, я согласен войти в состав комиссии. Только сам я осматривать тела не буду – не переносу вида крови и разлагающихся трупов. Подписать и написать – что угодно, а вот осматривать...

– Вас об этом никто не просит, это будут делать ученые. Комиссию возглавляет академик Бурденко. О начале ее работы вы будете предупреждены заблаговременно, а пока... можете идти. И спасибо вам еще раз от всего нашего многомиллионного народа!

Доктор Сигурд Йоханссон

О пожаре в гостинице «Россия» и убийстве Султана Ибраимова

Как всегда, у моих досточтимых соавторов, каждая строка и каждое слово буквально изобилуют достоверной и основанной на первоисточниках информацией. Иногда первоисточники эти бывают достаточно закрыты от посторонних глаз, на что я призвал бы вас обратить особое внимание.

Начнем с приведенного в прологе пожара в гостинице «Россия». Думается, до конца повествования авторы еще вернуться к этой теме и дадут ответы на ряд вопросов, обозначенных в самом начале повествования, но мы со своей стороны на самый главный вопрос о правдивости и последствиях описанного пожара начнем отвечать прямо сейчас.

Итак, пожар на 11 этаже гостиницы Россия случайностью не был. Вот какой «Рассказ старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Тараса Карповича Веделовского» приводят в своем романе «Красная площадь» Э.Тополь и Ф.Незнанский:

«...Этот пожар возник не случайно. Сегодня, когда уже нет ни Цвигуна (первого заместителя председателя КГБ СССР – С.Й.), ни Папутина, я могу тебе сказать – это был не

пожар, это была война между ними, между Цвигуном и Папутиным. Я не знаю, как и где Папутин получил тогда разрешение создать при МВД новый Отдел внутренней разведки. Я знаю факты: с конца 1975 года весь 11-й этаж в западном крыле гостиницы «Россия» занял Отдел разведки МВД СССР. Они там устроили свой оперативный штаб и установили самую новейшую аппаратуру подслушивания и слежки – из Японии повезли, из Америки, даже в Израиле что-то достали. По слухам, им Суслов помог с аппаратурой, но слухи я не проверял, а аппаратуру видел своими глазами и даже пользовался ею, когда вел дело узбекских торговцев наркотиками: ребята из Отдела разведки помогли выследить главаря шайки. Ну, и пока я там сидел у них на 11-м этаже, я понял, чем они занимаются, – это было эдакое гестапо при союзном МВД. Они установили слежку за всеми партийными и государственными руководителями, у них были досье на всех людей, мало-мальски близких к правительству... Короче, второе КГБ, и только! И где?! В «России», которая, какты знаешь, всегда была вотчиной КГБ, там стукач на стукаче и стукачом погоняет! Директор гостиницы Никифоров – бывший генерал КГБ! Еще бы! В «России» тьма иностранцев, за ними глаз нужен. Но кроме иностранцев, там и наших полно останавливается: со всех республик начальство, артисты, ученые и самые разные махинаторы, подпольные миллионеры... И вот именно в это осиное гнездо поселяется Папутин со своим новым Отделом разведки. Ну? Две силы,

конфликт".¹

Надо сказать, что этот отдел в системе МВД являлся самым законспирированным и подчинялся лично министру Н. Щелокову. Штаты этого подразделения находились за семью печатями и были хоть и не столь велики, зато по-настоящему профессиональны. Находилась в этом подразделении и группа, которая отслеживала ситуацию в криминальной среде. В ней работали офицеры, внедренные под различными легендами в уголовный мир. Их основной задачей было разложение преступных групп изнутри. Работали агенты МВД не только в «малинах» и подпольных борделях, но и на «зонах», в тюрьмах. Это была своеобразная рука МВД на пульсе криминального мира страны, чутко реагирующая на малейшие перемены в нем. Информации, которой они располагали, было достаточно для того, чтобы пересажать почти всех уголовных авторитетов того времени. Однако органы на это не шли, опасаясь таким образом развязать руки нижним этажам преступного мира.²

Через три года после пожара в гостинице «Россия» трагически завершился жизненный путь замминистра МВД СССР Виктора Папутина, с именем которого Тарас Веделовский связывает создание спецотдела: в декабре 1979 года, вернув-

¹ Тополь Э., Незнанский Ф. Красная площадь. – М., Фолио, 2004 г., ISBN: 5-94966-073-0

² Раззаков Ф.И. Бандиты времен социализма: хроника российской преступности, 1917–1991. – М., Эксмо, 1996 г., ISBN 978-5-85585-885-3

шись из поездки по Афганистану, он пустил себе пулю в висок. Его коллега по работе Юрий Чурбанов объяснил этот поступок алкоголизмом Папутина и его нервной реакцией на события, которые той зимой разворачивались вокруг Афганистана. Министр МВД Н. Щелоков попытался пробить в «Правде» некролог на своего первого заместителя, но главная партийная газета страны отказалась это сделать, мотивируя тем, что покойный ушел из жизни не добровольно. Тогда некролог появился в «Известиях», но очень коротенький и без привычной фотографии. Самым высоким должностным лицом, подписавшим его, был секретарь ЦК КПСС И. Капитонов. Также скромно и незаметно прошли и похороны В. Папутина на Новодевичьем кладбище. Все это очень напоминало события полугодовой давности, когда из жизни тем же способом, что и Паутин, ушел начальник Академии МВД генерал– лейтенант Сергей Крылов. Случилось это 19 апреля 1979 года в здании академии, после того как приказом Щелокова Крылов был снят со своего поста.

В 1967 году в звании подполковника МВД Крылов назначается новым министром Н. Щелоковым начальником скромного контрольно– инспекторского отдела министерства. Щелокову понадобился под рукой образованный человек, и он выбрал Крылова, имевшего за плечами опыт научно– исследовательской работы в военном институте. Через него и Щелоков вскоре буквально заболел наукой. В стенах МВД на постоянной работе появились доктора и кандидаты

наук, что заметно повышало интеллектуальный рейтинг руководства министерства.

Крылов одним из первых милицейских чиновников того времени стал ратовать не за усиление кары для преступников, а за более гуманные социальные меры: условное осуждение, условно– досрочное освобождение впервые оступившихся людей. Такой либерализм не мог не породить массу недоброжелателей как в стенах родного министерства, так и за его пределами. Но Щелоков не давал в обиду своего ученого помощника, более того, во всем потворствовал ему. Ведь Крылов, имея большой вес среди научной и творческой интеллигенции страны, служил для министра надежным мостиком для связей с этой средой.

Управление Крылова превратилось в мощное учреждение, вобравшее в себя многие функции головного штаба министерства. Оно получило право строгого, независимого ни от кого контроля и инспекции всех сторон деятельности как местных органов внутренних дел, так и его линейных, оперативных служб. Оно же приложило руку к созданию сгоревшего в гостинице спецотдела. Поэтому другие начальники главков МВД были недовольны столь широкими полномочиями ведомства Крылова. Атаки на него не прекращались. «Заумные» идеи Крылова встречались в штыки, Щелокову постоянно жаловались на зарвавшегося выдвиженца. Но министр был глух к этим голосам и в 1974 году доверил Крылову создание Академии МВД.

Однако в 1977 году в стенах союзного МВД во всю мощь засияла звезда Юрия Чурбанова, который начал активно теснить в сторону первого заместителя Щелокова Константина Никитина. С этого времени началась и вражда между Крыловым и Чурбановым. Это и понятно: амбиции умудренного опытом Крылова не могли позволить дать спуску какому-то молодому выскочке, даже если тот и являлся зятем самого Генсека. Щелоков же в «битве» двух генералов занимал выжидательную позицию, что в принципе и предопределило ее исход. Молодость взяла верх над зрелостью и опытом. В 1979 году комиссия МВД в количестве 71 человека во главе с Чурбановым забракела работу Академии МВД. Более того, комиссия уличила Крылова в хозяйственной нечистоплотности, барстве и карьеризме. Эти факты и позволили Чурбанову поставить перед руководством академии и лично перед Крыловым вопрос ребром: или он увольняется, или будет начато служебное расследование по фактам, которые вскрыла в академии комиссия. Не связано ли это с грандиозным провалом и утечкой информации? Если предположить, что сгоревший в гостинице «Россия» спецотдел организовали Крылов и Папутин, то от кого, кроме как от них, могла произойти утечка информации о нем в КГБ (учитывая, что, как верно замечают авторы, вербовать своих в рядах МВД Комитету было строжайше запрещено)?..

6 апреля 1979 года С. Крылов пишет рапорт министру о своей отставке, а 19 апреля, приехав к себе в академию в по-

следний раз, он запирается в своем кабинете и кончает жизнь самоубийством.

Сам Ю. Чурбанов позднее вспоминал об этом так: "Крылов постоянно находился в плену каких-то несбыточных (для органов внутренних дел) идей. В аппарате его не любили. Но он полностью очаровал Щелокова: какие-то его идеи Щелоков потом выдавал за свои, я и мои товарищи (члены коллегии) считали их не только сомнительными, но и вредными... Когда Крылов появился в стенах академии, там начался полный хаос. Ко мне стали поступать серьезные сигналы о самоуправстве Крылова, о его неуважительном отношении к людям, о кадровой чехарде и т. д.... Мы сформировали авторитетную комиссию, в нее вошли начальники ряда управлений: была поставлена задача объективно проверить академию по всем позициям. И чем глубже мы копали, тем больше находили негатива. Смена кадров, протекционизм, но в самые большие дебри мы влезли, когда познакомились с вопросами финансово-хозяйственной деятельности академии. Мебельные гарнитуры, которые покупались для академии, перекочевали в квартиру Крылова, там же оказались два цветных телевизора, принадлежавших учебным классам, – вот, если взять только один аспект хозяйственной деятельности, против Крылова можно было возбудить уголовное дело. Министр ушел в отпуск и отдыхал в Подмосковье. Крылов пытался к нему прорваться, но министр его не принял, как бы давая понять: решайте без меня. Я вы-

звал Крылова к себе, спрашиваю: "Что будем делать, Сергей Михайлович?" Кроме меня, в кабинете находился начальник кадров генерал Дроздецкий. Надо отметить, что Крылов вел себя очень нервно. Мне он сказал, что готов расстаться с этой должностью, но просил оставить его в академии преподавателем, я говорю: "Хорошо, вернется министр, решит все вопросы". Крылов вышел из моего кабинета, поехал в академию, где в этот момент проводилось торжественное собрание, посвященное очередной годовщине со дня рождения Ленина, прошел через весь зал и передал генералу Варламову, который вел собрание, записку, что он хотел бы попрощаться со знаменем академии. Одним словом, бред какой-то. Варламов почувствовал что-то несуразное, быстро закончил собрание – но в этот момент Крылов уходит в свой кабинет, закрывается на ключ, и там раздается выстрел".³

Вот, что написал Крылов в своей предсмертной записке: «Нет сил жить. Если у человека убита вера и надежда, он труп. Господи! Как я работал! Как горел, как боролся! И чем благороднее была цель, чем вдохновеннее труд, тем больше ненависть власть имущих. Я оплодотворил своим талантом и фантастическим трудом интеллектуальную пустыню органов внутренних дел... и за все это я плачу жизнью. Это мир рабов, холуев и карьеристов»...⁴

³ Чурбанов Ю.М. «Я расскажу всё как было». – Изд. 2-е. – М.: Лиана; Независимая газета, 1993. – ISBN 5-86712-012-0.

⁴ Млечин Л. Заветы Щелокова. / Новая газета, 15.08.2010 // <https://>

Таким образом, в 1979 году из жизни ушли сразу три высокопоставленных руководителя союзного МВД: 19 апреля застрелился С. Крылов; 3 августа скончался первый заместитель Н. Щелокова К. Никитин и в декабре опять же застрелился еще один замминистра, В. Папутин. Все три смерти, последовавшие друг за другом с разрывом в четыре месяца, заметно облегчили жизнь Юрию Чурбанову и расчистили ему дорогу к власти в стенах МВД. В мае 1979 года, после того как на пенсию был отправлен начальник кадров МВД И. Рябик, Чурбанов занялся кадрами, а в 1980 году, сразу после смерти В. Папутина, Чурбанов становится первым заместителем Н. Щелокова.

Итак, теперь становится понятно, что именно с пожара в гостинице «Россия» началось стремительное сваливание вниз заместителей министра Папутина и Крылова, организовавших, по утверждению авторов книги, сгоревший спецотдел, и к каким последствиям в борьбе КГБ с МВД оно привело. Но об этом еще будет сказано. Мы же пока сосредоточимся на расследовании убийства председателя СМ Киргизской ССР Султана Ибраимова, как гром среди ясного неба, грянувшего в конце осени– начале зимы 1980 года в Чолпон–Ате.

Начнем с того, что авторы верно установили личность стрелявшего – им действительно был некий Смагин, уроженец Чолпон–Аты, никогда не видевший Ибраимова при жиз-

ни и потому явно не имевший к нему личных претензий и счетов.

Сам Филипп Бобков, герой книги, в своих воспоминаниях расскажет историю расследования убийства – в самых общих чертах...

...Поначалу расследование не приносило никаких результатов: преступник бесследно исчез, чётких свидетельств и примет его не было, серия экспертиз не позволила получить значимые улики. Оперативники долго не могли выйти на след злоумышленника, перепроверив сотни подозреваемых. В ходе расследования преступления по указанию Бобкова впервые в Советском Союзе была проведена биологическая экспертиза отпечатков пальцев, дающая возможность идентифицировать человека.

С помощью этого и других методов спустя время был установлен виновник, житель Чолпон– Аты Смагин, русский по национальности. Он действительно был найден повешенным на шарфе в электричке, стоявшей в депо, в городе Чапаевске Куйбышевской области. При погибшем была обнаружена «Памятка депутата Верховного Совета Киргизии», где были опубликованы персональные данные о парламентариях и членах правительства, включая Ибраимова.

Личных счётов у Смагина к Ибраимову быть не могло, поскольку они не были знакомы и никогда не встречались. В ходе обыска в доме преступника была найдена тетрадь с записью рукой Смагина: «Я буду убивать киргизов, где бы они

мне не попались», что навело следователей на мотив преступления. С процессуальной точки зрения дело было раскрыто. Однако сам факт, что преступник был найден уже мёртвым, а потому лично признаться в содеянном не мог, породил в Киргизии недоверие к результатам расследования. Генерал КГБ СССР Бобков приложил тогда значительные усилия, чтобы избежать межнациональной напряжённости в республике.⁵

Это недоверие к результатам следствия понятно. У Ибраимова было много врагов, включая расхитителей социалистической собственности, к сохранности которой во всем Союзе он относился очень ревностно – осенью злосчастного 80–го года он лично расследовал факты грабежа и коррупции на Токмакском мясокомбинате.⁶ Тогда же в его распоряжение попали сведения о приписках хлопка, которыми активно занимался весь Узбекистан.⁷ Он действительно готовился к встрече с Андроповым, и неизвестно, чем бы она закончилась, если бы не приезд друга Рашидова во Фрунзе в самый канун его убийства...

Да, несомненно, огромную роль в этом деле играла личность генерала Хайдара Яхьяева, министра внутренних дел

⁵ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. Москва. Издательство «Ветеран МП», 1995. Национальные проблемы. С.323—326

⁶ Елена Баялинова, по материалам книги «Султан Ибраимов» (автор – Гульмира Ибраимова), 01.12.2005 // <http://www.pr.kg/old/archive.php?id=1760>

⁷ Личности Кыргызстана: невероятные факты из жизни Султана Ибраимова, 04.07.2014 // <http://limon.kg/news:62806>

Узбекской ССР. Расследованием его деятельности вскоре после смерти Ибраимова вплотную займутся союзные правоохранительные органы.

В конце 1980 года, согласно указанию Андропова и Руденко, о котором пишут авторы, в Ташкент прибыла бригада Прокуратуры СССР, возглавляемая старшим помощником Генерального прокурора СССР А. В. Бутурлиным.

Материалы, имевшиеся в распоряжении бригады, трудно даже назвать просто заявлениями и жалобами людей, пострадавших от Яхьяева. Из этих документов складывалась масштабная картина преступной деятельности министерства внутренних дел Узбекистана, мощного карательного ведомства, во главе которого он стоял. Подчиненные ему структуры министр виртуозно использовал для расправы над своими личными недругами, среди которых нередко оказывались его бывшие любовницы.

Одна из таких жертв – член Верховного Суда Узбекистана Х.

Осенью 1977 года по приказу Яхьяева было создано особое подразделение. Именовалось оно отделом спецтехники и связи и насчитывало в своем составе 19 человек. Главной задачей отделения стало прослушивание и ведение магнитофонной записи телефонных разговоров Х. (Видимо, положительный опыт внедрения в общую тактику работы отдельных элементов контрразведывательной деятельности Яхьяев перенял у своих московских товарищей, в 1976 году потеряв-

ших спецотдел МВД в результате пожара в гостинице «Россия»).

Тогда же к Яхьяеву была доставлена соседка Х. Ей поручалось следить за тем, кто к Х. приходит, чем она занимается, рыться в ее мусорном ведре и обрывки бумаг аккуратно доставлять в МВД. За это женщине назначалось регулярное денежное содержание – 100 рублей в месяц. «Поначалу я стала отказываться, – вспоминает она, – но Яхьяев пригрозил, что могут исчезнуть мои дети. Я ему поверила...»

Кроме соседки по дому для работы с Х. завербованы были также домработница Х.; пенсионер МВД с денежным содержанием 120 рублей в месяц; близкая подруга Х., а также гражданка, которая не регистрировалась, но выполняла отдельные поручения. Задание ей дали весьма своеобразное: она обязана была звонить по ночам Х. и на узбекском языке обзывать ее нецензурными словами. Яхьяев у себя в кабинете прослушивал эти разговоры, и, если агент ругалась слабо, министр, как свидетельствуют его подчиненные, выходил из себя. Надо думать, агент ругалась на совесть. «За это, – подсчитывает она, – мне дважды давали на праздник продукты: копченую колбасу, твердый сыр, бараньи кишки, два килограмма, красную икру, бутылку коньяка, бутылку водки, две коробки конфет...»

Казалось бы, зачем она была ему нужна? Следующий шаг всемогущего министра раскрывает истинную подоплеку его действий. Однажды Яхьяев вызвал к себе начальника опе-

ративно— технического отдела министерства и дал ему задание: создать группу «медвежатников», тайно, воровски проникнуть в здание Верховного Суда Республики, пробраться в кабинет члена Верховного Суда Х., вскрыть ее служебный сейф, найти и изъять письма и фотографии, свидетельствующие о ее былой связи с Яхьяевым. Взломщиков подобрали что надо: два полковника, один генерал. Результаты операции, однако, себя не оправдали. То ли генерал и полковники действовали не слишком расторопно, то ли Х. нежные письма на работе не хранила. Ничего не нашли.

Министра не покидала мысль и о физическом уничтожении Х. Как— то поздно ночью, часа в три, в кабинете Яхьяева сотрудники слушали очередную магнитофонную запись, обсуждали результаты работы, и Яхьяев высказал идею: надо бы найти штук десять ядовитых змей и запустить их в квартиру Х. Идею, естественно одобрили. Вскоре, однако, исполнитель сообщил, что змеи в эту пору года, к великому сожалению, не ловятся.

Заранее также тщательно продумывалась и шаг за шагом осуществлялась фальсификация уголовных дел против других неудобных Яхьяеву лиц. Кто— то ему донес, что некая парикмахерша Н. распространяет о нем «нескромные сплетни». Министр вызвал к себе начальника паспортного отдела и дал ему задание немедленно посадить парикмахершу. Вариант был выбран: «спекуляция».

«Общественная помощница органов» (так именуется она

в документах), девушка по имени Мухаббат Ахметова, знакомится с парикмахершей, входит к ней в доверие и просит оказать небольшую услугу: у себя в парикмахерской продать по повышенной цене принадлежащие ей, Ахметовой, десять отрезов ткани хан– атлас. На самом деле эти отрезки специально для готовящейся операции приобретены работником МВД за казенный счет. «Покупательницы» – тоже люди МВД. Ничего не подозревая, парикмахерша соглашается. В нужный момент в парикмахерскую врываются милиционеры и с поличным задерживают «спекулянтку» Н.

Впрочем, спекуляции организаторам мероприятия показалось мало. «Общественная помощница органов» подбрасывает в квартиру Н. еще и наркотик, анашу. После обыска у нее в квартире, Н. привозят в МВД и требуют, чтобы она во всем созналась. Н. плачет, уверяет, что отрезки не ее и никакой анаши у нее никогда не было. Ее уводят в подвал. На завтра все началось сначала. И так постоянно, каждый день. Несколько месяцев ее держат в одиночке, бросают в карцер. Яхьяев лично вызывает ее и угрожает расправой. Ее обещают сгноить в женской колонии. Она пишет заявления, однако все они тут же, при ней уничтожаются. Дома у нее остались престарелая мать и маленький ребенок...

Но, пожалуй, всего сильнее впечатляет история Веры П. Появилась она у Яхьяева осенью 1974 года. Он устроил ее на работу в МВД, дал квартиру, дарил книги своих стихов с нежными надписями (как и его друг Рашидов, он обладал

недюжинными литературными способностями, чего скрывать). А потом остыл. Из МВД ее уволили. Вера же продолжала искать встречи с Яхьяевым, хотела с ним объясниться. Ее приятель, работник телефонной связи МВД (слаб человек), дал ей домашний телефон министра.

На следующий день, ближе к ночи, телефониста доставили к Яхьяеву. Министр допрашивал его до утра. Бил по лицу, грозил уничтожить.

Утром телефонист получил ответственное задание: созвониться с Верой, назначить ей свидание и вступить в половую связь.

Детали этой захватывающей операции надо знать. В комнате телефониста работники оперативно–технического отдела установили микрофон. И в тот час, когда он договорился встретиться с Верой, бригада выехала на спецмашине с соответствующими средствами. Вместе с ней прибыл и фотограф с аппаратурой, снабженной рацией, по которой он должен был получить сигнал. В соответствующий момент фотограф ворвался в комнату и произвел съемку.

Эти непотребные фотографии тоже были приобщены к делу о злоупотреблениях Яхьяева, которое вел прокурор А. В. Бутурлин.

Собранные здесь документы подробно описывают, как люди Яхьяева отправили Веру П. в психиатрическую больницу. Объявить ее сумасшедшей удалось не сразу, сперва врачи признали П. совершенно здоровой. Яхьяев занерв-

ничал. Продиктовал своему заместителю характеристику на бывшую сотрудницу министерства. «Гражданка П., – говорилось в бумаге, – угрожала, что обратится к представителю ООН или в посольство одной из западных держав, добьется, чтобы было напечатано в иностранной прессе...» Врачи сдались. После двухмесячного пребывания в психушке в истории болезни П. появилась запись: «Больная начала прибавлять в весе, стала заторможенной, пассивной, вялой... Перестала интересоваться окружающим, не смотрит телепередачи, не общается с больными...» Из больницы ее выписали с диагнозом: «Шизофрения непрерывная, параноидальный синдром. В связи с тем, что больная представляет социальную опасность, взять на учет...» Теперь эта женщина Яхьяеву была уже не опасна.

Бригада Бутурлина работала в Ташкенте несколько месяцев. Цепочка расследования убийства Ибраимова заводила очень далеко. Страшная открывалась картина. Людей среди ночи доставляли к министру на допрос. Без суда и следствия неделями держали в тюремной камере. Провокации следовали одна за другой.

Однако довести расследование до конца Бутурлин не смог. Первый секретарь ЦК Узбекистана Рашидов обратился в Москву, и бригаду Бутурлина отозвали. Ему приказали дело о злодеяниях Яхьяева сдать в архив...⁸

⁸ Борин А.Б. Проскочившее поколение. – М., Аграф, 2006 г., ISBN: 5– 7784– 0239– 2

И, если дело Яхъяева пролежит в архиве еще пять лет – до того момента, как им «заинтересуются» в рамках куда более масштабного, «Хлопкового» дела, то дело об ограблении вдовы писателя Алексея Толстого, Людмилы Ильиничны, только начинает набирать обороты. У нее пропало великое множество драгоценностей, в числе которых «Королевская лилия», полученная писателем за участие в работе т.н. «комиссии Бурденко». Что же это была за комиссия и чем она в действительности занималась? Ответ на этот вопрос открывает перед читателем прописную истину: на людском несчастье своего счастья не построишь...

3 марта 1940 года народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия предложил Политбюро ЦК ВКП(б):

«В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических контрреволюционных партий, участников вскрытых контрреволюционных повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

<...>

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер– офицерского состава) 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандар-

мов, тюремщиков, осадников и разведчиков, по национальности свыше 97 % – поляки.

<...>

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

<...>

Дела о находящихся в лагерях военнопленных – 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков, а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела».⁹

5 марта было принято соответствующее решение Политбюро:

«Дела <...> рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела. Рассмотрение дела провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения. <...> Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т. т. В. Е. Мер-

⁹ Вопросы истории", 1993, № 1, стр. 7—22

кулова, Б. Кобулова и Баштакова (начальник 1–го спецотдела НКВД СССР)».

Казни длились с начала апреля до середины мая 1940 года в рамках «Операции по разгрузке лагерей». ^{10 11}

По данным, указанным в записке председателя КГБ А. Н. Шелепина (1959 год), всего было расстреляно 21 857 человек, из них в Катыни 4 421 человек, в Харькове 3 820 человек, в Калининe 6 311 человек и 7 305 человек в лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии, а всего 21 857 человек.

Среди казнённых были как кадровые офицеры (в том числе Якуб Вайда, отец известного кинорежиссёра Анджея Вайды), так и офицеры военного времени – мобилизованные адвокаты, журналисты, инженеры, учителя, врачи и т.д., ¹² включая университетских профессоров, которых только в Козельском лагере находилось 20 человек. ¹³

Чудовищное преступление Советской власти было не единственным, обagrившим руки ее верхушки. Для Стали-

¹⁰ Н. С. Лебедева. Четвёртый раздел Польши и катынская трагедия.– М.: РГГУ, 1996. – «Другая война. 1939—1945» с. 237—295

¹¹ И. С. Яжборовская, А. Ю. Яблоков, В.С. Парсаданова. Катынский синдром в советско– польских и российско– польских отношениях.– М., РОССПЭН, 2001. ISBN 5– 8243– 0197– 2

¹² Уинстон Черчилль Вторая мировая война Том 3. Часть 42 В шести томах. Книга вторая. Том 3—4. «Военное издательство», 1991 ISBN 5– 203– 00706– 3

¹³ Семиряга М. И. Глава «Преступление в Катыни» из книги Тайны сталинской дипломатии 1939—1941 М.: Высшая школа, 1992 год.

на и его клики это было привычное дело – убивать десятки и сотни тысяч просто так, от нечего делать. Однако, тот факт, что немцы в 1943 году захватили Смоленщину и обнаружили там все эти трупы, мог сыграть не на руку Сталину в вопросах открытия второго фронта. Поэтому, после освобождения Смоленщины, туда была отправлена эта «комиссия Бурденко», включавшая в себя и писателя Толстого, которая быстренько установила, что НКВД тут ни причем, и только вермахтовский и гестаповский следы просматриваются в истории с этим бесчеловечным убийством. Беспрецедентная ложь вскрылась спустя время после смерти всех членов комиссии, которые, по всей видимости, так никогда и не ответили за сокрытие этих чудовищных злодеяний. Что же касается персонально Алексея Толстого, то возмездие нашло не его, а его вдову, трепетно сохранившую для потомков подарок всесильного Абакумова за участие мужа в работе «комиссии Бурденко» – «Королевскую лилию»...

Доктор Сигурд Йоханссон,
профессор истории Университета Осло

Глава четвертая

01 декабря 1980 года, Москва

Стук в дверь квартиры раздался около 14 часов 30 минут, когда престарелая хозяйка вместе со своей домработницей только что пообедали. Согласно давно установившемуся в доме порядку вещей, после обеда хозяйка ложилась отдыхать, а домработница отправлялась либо за покупками – если на нее была возложена обязанность в этот вечер приготовить ужин, – либо, – если он уже был готов, – возвращалась домой, с тем, чтобы утром прийти и приступить к своей повседневной работе. Вот уже 20 лет, в течение которых Людмила Ильинична пользовалась услугами своей давней знакомой, соседки по даче Клавдии Нифонтовой, подвизавшейся помогать ей по хозяйству, этот уклад был для обитательниц квартиры на Малой Спиридоновке незыблем. Все было бы по–прежнему и сегодня, если бы Людмила Ильинична вдруг не почувствовала себя нехорошо, и Клаше, как ласково звала ее хозяйка, не пришлось остаться, чтобы помыть посуду – чистоту любил еще покойный муж Людмилы Ильиничны, а графские порядки здесь нарушать не принято было и после его смерти; ни о какой грязной посуде не могло быть и речи. Людмила Ильинична накануне посетила какой–то важный прием в Доме литераторов, и, наверное, несколько бока-

лов вина, что она позволила себе выпить по торжественному случаю, обеспечили ей на следующий день скачок давления. Немного перекусив, она приняла лекарство и легла, а Клаша задержалась на кухне, когда в дверь постучали.

Домработница подошла к двери, и спустя время из коридора в комнату полетел ее голос:

– Люда, тут милиция! – домработница была младше Людмилы Ильиничны лет на десять всего, да и знала ее с молодых ногтей, что позволяло обеим обращаться друг к другу на «ты».

– Какая милиция? Зачем? Я никого не вызывала...

Дальше слышался только глухой голос из– за двери, который сообщил, что, дескать, их соседей снизу заливает. Домработница отвечала, что не понимает, какая связь между милицией и заливом квартиры, но клялась, что протечки в ванной у них нет и все в порядке. Глухой, едва различимый в комнате голос снова что– то неразборчиво ответил ей. Хозяйка насторожилась и села на кровати, когда домработница с круглыми глазами влетела в ее комнату.

– Сказали, что там труп...

– Где труп?

– Внизу, под нами.

– У Скоробогатовых? С ума можно сойти... Ну а мы– то тут причем?

– Не знаю, сказали, что от нас льет, и они место преступления осмотреть не могут. С ними еще какой– то человек,

сантехник, наверное. Попросят пустить, чтобы, значит, устранить течь...

– Ну пусти. Пусть пройдут и убедятся, что у нас все в порядке. Может, в стене труба лопнула или еще что...

Толстая снова легла, когда услышала звук закрывающейся входной двери и голоса в прихожей.

– Вы одна дома?

– Нет, хозяйка еще.

– Какая хозяйка?

– Толстая Людмила Ильинична. Это ее квартира. Я тут только домработница.

Молодой черноглазый милиционер с колоритными украинскими чертами лица и характерным же одесским говором – представители этой национальности Клавдии были хорошо знакомы – недовольно глянул на сантехника. Тот пожал плечами, ничего ему не ответив. Милиционер кивнул ему на открытую дверь в ванной, он сразу прошмыгнул туда, а двое в форме и Клавдия вошли в комнату хозяйки.

– Простите ради Бога, вы ничего такого странного сегодня или вчера снизу не слышали?

– Нет... А что случилось? – голова у Толстой раскалывалась, видно было, что ей тяжело отвечать на вопросы.

– Видите ли, мы там обнаружили нечто неудобоприятное, как говорили в прежние времена...

– Да, Клаша сказала, что...

Хозяйка не успела договорить, когда из ванной послышал-

ся голос сантехника:

– Нашел! Протечку нашел!

– Пойдемте с нами, пожалуйста, будьте любезны, – южный говор был плохо скрывается в речи молодого милиционера. Наверное, недавно приехал в столицу, подумала Людмила Ильинична, которая сама в свое время полуголовой херсонской девчушкой устроилась секретарем– машинисткой к покойному графу, восемь лет спустя после этого только обретя статус законной жены и наследницы немалого богатства.

– Зачем? Клаша ходит. Мне что– то нехорошо, вы меня извините...

– Прощения просим, порядок такой. Вы все– таки хозяйка, а затоплением соседской квартире может быть причине ущерб, за который, если что, вам отвечать. Так что надо, чтобы вы все видели лично, расписались и засвидетельствовали.

Нехотя, поднимаясь с кровати, Толстая ворчала:

– Какой кому ущерб? Вы же сказали, что там, стало быть, труп...

– Да не то, чтобы труп... Телесные повреждения у человека... – украинец опустил глаза в пол и начал бормотать что– то невнятное, все время проталкивая двух пожилых женщин к двери в ванную. Вскоре они уже стояли на пороге и с недоумением глядели на сантехника:

– Ну и где? Где же?

Пол был сухой, и никаких следов повреждения канализа-

ции не было видно. Но слесарь упорно стоял на своем:

– Да вот, вы посмотрите внимательнее.

Обе как по команде одновременно перешагнули порог ванной, когда сантехник буквально выпрыгнул им навстречу и остался у них за спиной. Они ничего не успели сообразить, как вдруг дверь ванной оказалось заперта с характерным щелчком снаружи – на всех межкомнатных дверях внутри квартиры были наружные замки, старого образца. Пленницы переглянулись между собой, ничего не понимая. И лишь минуту спустя, когда троица уже вовсю орудовала в комнатах, стали колошматить в дверь, крича во все горло.

Но их никто не слышал – изоляция стен и дверей в сталинском доме была, как говорят, дай боже. Дверь в подъезд преступники заперли, а телефонный шнур обрезали, так что зов о помощи был бесполезен.

Основной упор они сделали на кабинет писателя, где все было оборудовано под музей. Таблички на столах, на пишущей машинке, на которой писался знаменитый «Гиперболоид инженера Гарина», на креслах и у книжных шкафов, доверху забитых старинными фолиантами – все говорило о том, что здесь скорее государственное учреждение, в котором ничего нельзя трогать руками, чем жилая квартира. Однако, искатели знали – именно здесь, где все реликвия и историческая ценность, и спрятана основная часть знаменитой коллекции бриллиантовых и золотых украшений, что и покойный писатель, и его последняя супруга, ныне запертая в

ванной и отчаянно борющаяся за свое выживание, собирали долгие годы.

Молодой милиционер спросил у сантехника, когда они оказались в самом сердце этого филиала Гохрана в центре Москвы:

– Ну и каким местом ты смотрел?

– Ты про что, Толик?

– Про уборщицу эту. Она же должна была в два часа уйти, а ты должен был проводить ее до ворот дома. И ты сказал, что она ушла, мать твою за ногу! А это тогда кто, по– твоему?! – зло крича на подельника, одессит кивал в сторону ванной и коридора. – Тень отца Гамлета там вместе с хозяйкой заперлась?

– Клянусь тебе, сам видел... Ну, может, похожая...

– «Может похожая». Хозяйка вчера на приеме в ЦДЛ крепко выпила, нас не вспомнит. А эта теперь может и вспомнить. Валить ее теперь прикажешь? Под мокрое дело хочешь подвести? Задавил бы тебя, да времени нету! – отчаянно ругал он своего подельника.

– Толя, хватит, – окликнул его второй в милицейской форме. – Время.

Книжный шкаф, за стеллажами которого пряталось самое дорогое в доме, оказался заперт, а времени на поиски ключа не было – неровен час, если домработница не ушла, еще кто–нибудь да явится проведать сиятельную старушку, почти графиню. Пришлось разбить два дверных стекла,

а створки шкафа просто выломать до основания. Мгновение спустя полетели старинные фолианты на пол, поднимая пыль до потолка, и открывая глазам грабителей несколько маленьких, спрятанных от посторонних глаз книжными корочками, встроенных в стены, сейфов. Простой замок запирали каждый из них – такая небрежность! – а за ним хранились сокровища, сравнимые разве что с богатством хозяйки медной горы...

Молчаливый милиционер осматривал стол писателя – в одном из ящичков и обнаружил он связку заветных ключей. В общем, искать почти не приходилось – они точно знали, где и что лежит. С ключом от шкафа вышла несуразность, ну да это мелочь в сравнении с тем, что они могут получить в результате сегодняшнего «скачка». Шесть дверей от сейфов подались ключам одна за другой – и вскоре в руках у грабителей заискрились, засияли, заблестали всеми цветами радуги бриллиантовые россыпи драгоценных украшений, охладил их руки прохладный золотой металл, отяжелили ладони платиновые колечки и цепочки ожерелий. На мгновение все трое будто замерли, созерцая такую красоту.

– Вот она, – процедил главарь, небрежно вертя в руках лилию из белого золота с двадцатью одним бриллиантом и спайками из белого золота. Она занимала больше половины его ладони – будучи много наслышан о ней, он и представить себе не мог, что она такая большая. А вблизи так и вовсе показалась вчера простому воришке, голытьбе с Молдаванки

просто огромной...

– Кто? – уточнил сантехник.

– Лилия, дурень. Та самая лилия...

Он мог бы добавить что-то вроде «кровавая лилия», если бы знал, какой ценой далеких тридцать семь лет назад досталась она бывшему хозяину квартиры, графу Алексею Николаевичу Толстому, из рук великого и ужасного Абакумова.

За две недели до этого, Москва

Леонид Исаакович Лернер был человеком искусства во всех отношениях. Нет, он не работал писателем, не держал в руках кисти или скульпторского топора, не сочинял мелодий, да и вовсе не умел играть ни на каких музыкальных инструментах. Он работал простым фотографом в редакции «Литературной газеты», куда недавно с позором перешел из АПН, после очередного алкогольного скандала с его участием. Но образ его мыслей, утонченность его душевной организации, врожденная интеллигентность самой природы его позволяли причислить его к людям искусства – не тем, которые пишут или рисуют, а тем, о ком пишут и кого рисуют признанные служители муз. Его маленькой слабостью было пьянство – да и чего ожидать от простого небогатого еврея, выросшего в культурной среде, но, как было уже сказано, не обладающего особыми талантами и потому не имевшего никакой особой перспективы в этой жизни?! Он начал топить

безнадежность и обреченность своего существования в алкоголе особенно рьяно после того, как от него ушла жена, прихватив львиную долю нажитого в браке нехитрого имущества и дочь, да еще и содрал с него приличные алименты. Она тоже его не понимала. Не понимала, как он, имея семью, целыми днями просиживает в библиотеках, изучая быт и нравы средневековой Франции, вместо того, что приработком сделать их существование более или менее обеспеченным. Не понимала, зачем он записывается на экскурсии в Оружейную палату или Гохран, после чего изучает увиденные там экспонаты так, будто ему предстоит написать о них научную работу. Не понимала, зачем посещает все картинные галереи, а после за бутылкой рассказывает подтрунивавшим над ним друзьям по пивной истории жизни создателей знаменитых полотен. Он и сам не понимал, почему он такой, какой он есть. Действительно, ведь не написать же ему докторской диссертации... Хотя... Хотя, быть может, он мог бы ее написать, если бы не погубившее высшее образование происхождение, как нельзя более некстати выявленное в период охватившего всех сталинского антисемитизма. Учебу тогда пришлось бросить, пойти на стройку, на завод, устроиться, наконец, на совершенно не творческую работу фотографа, но... в душе остаться Пигмалионом, которому так никогда и не суждено будет изваять свою Галатею. И осознанием этого тяготиться всю жизнь...

Вероника Жукова была всего лишь его соседкой по ком-

муналке. Да и то всего несколько лет – кажется, пока не пошла в третий класс, а ее родителям не выделили отдельную квартиру на Малой Бронной. Она помнила его еще молодым студентом, вечно голодным, но счастливым. Крошкой совсем считала, что была в него влюблена. Правда, с годами нарисованный детским воображением образ стал тускнеть и стираться – к своим 35 годам помнила она свою былую любовь весьма смутно. Потому, наверное, при встрече не узнала. Нет, она могла бы узнать его по чертам лица, которые отчетливо остаются особенно в детском импринтном сознании, но никак не могла представить его с потухшим взором, в поношенном пиджаке, с висящим на шее громоздким фотоаппаратом – таким, казалось, грузным, что под его тяжестью тоненькая шея Лернера будто бы пригибается к земле – и пьющим дешевое пиво в «Астории».

И он тоже ее не узнал. Ей было 35, а выглядела она лет на десять моложе. Шик был во всем – в ее походке, в роскошной одежде, во французском парфюме, аромат которого источала эта прекрасная, утонченная и возбуждающая сознание не женщина,.. девушка, еще не познавшая тягот деторождения и с наслаждением вкушавшая каждую минуту этой жизни, прекрасной, как она сама. Из толпы утомленных серых москвичек выделялась она ярким пятном размашистого мазка Модильяни или Сикейроса, с которыми пила кофе и коньяк и обещания которых запечатлеть ее в веках походя высмеивала. Не заметить ее было нельзя,.. но узнать трудно.

Однако, у него получилось. Стоило дверям «Астории» будто бы самим распахнуться, а ей – появиться в них радугой посреди серого дождливого неба, с сентября еще нависшего над Москвой и никак не желавшего уступать место небу снежно– зимнему, он не сводил с нее глаз. Вне всякого сомнения, он был человеком искусства – красоту он умел видеть целко и безошибочно.

– Вероника, – еле слышно прошептал он, и она – вот незадача – посреди всей этой ресторанной сутолоки сумела разобрать свое имя. Она повернула голову и обомлела – перед ней, потрепанная жизнью и незавидной работой, сидела ее детская любовь. На ватных ногах подошла она к столику.

– Ленька, ты?!

– Да, товарищ Жукова, я.

– Ну не совсем товарищ и совсем уже не Жукова.

– Вот как?! Ну– ка, рассказывай...

– У тебя свободно? Сесть можно?

– Конечно, садись, что ты.

Она села и позвала официанта. Заказав шампанского и увидев смущенные глаза кавалера, подметила:

– Надо же, пиво в «Астории» – ты всегда был ценителем прекрасного...

– На большее, увы, денег не хватает.

– Я поняла это по твоему пиджаку. Но выбор места просто исключителен!

– А, – махнул рукой Лернер. – Лучше тридцать лет пить

свежую кровь, чем триста лет клевать тухлое мясо.

– Так ты пьешь свежую кровь? – хохотнула Вероника, обнажив ряд белоснежных зубов.

– Временами. Когда премия.

– И за что же премировали так щедро?

– Да, вот, был только что у вдовы писателя Алексея Толстого. По заданию «Литературки» фотографировал гобелены, картины, музейные экспонаты... А уж какая у нее коллекция драгоценностей, ты бы видела!

– Коллекцию тоже удалось заснять?

– За нее бы премию не дали, а вот с работы снять, пожалуй, могли бы... Но и у тебя, я погляжу, цацки не хуже графининых будут...

– Что за выражения, Леонид Исаакович? У нас в Париже так выражаться не принято.

– Где?! В Пари... – глаза Лернера округлились. Посетить прекрасный французский город всегда было мечтой одинокого и тонкого еврея, мечтой столь же недостижимой, как та интеллектуальная и культурная богема, близостью к которой он все еще грезил, а его собеседница уже давно жила.

– Да, Ленечка. После окончания института я вышла замуж за француза – он приезжал на какой-то кинофестиваль или... в общем, я уже не помню. В общем, была я тогда хороша...

– ...да ты и сейчас как с обложки журнала!

– Брось. Хотя, спасибо, мне приятно. Но тогда, видишь

ли, к моей красоте еще изрядного удельного веса добавляла молодость. Очаровала я французика моего и вскоре уже укатила с ним на его историческую родину.

– Так просто?

– Ну, не все так просто. Конечно, пришлось имитировать беременность, дать пару взяток гинекологам, но ты ведь помнишь, что мой дедушка был главврачом во Второй городской, так что это было сравнительно несложно. Потом, по приезду, горько разочаровать моего Луи тем, что от переживаний и бесконечных мытарств по КГБ да разным комиссиям ребеночек приказал долго жить, а вернуться на родину... только спустя десять лет брака и счастливой семейной жизни, когда супруга моего вновь отправили в Москву провести месяц служебной командировки в здешнем французском торгпредстве.

– Слушай... – Лернер внимал словам давней подруге, буквально открыв рот. – Это же все буквально как жизнь на луне. Только бы одним пальцем все это потрогать – мне кажется, что не жалко отдать остаток дней земных за такое благо... А, кстати, как же теперь твоя фамилия?

– Сенье. Госпожа Вероника Сенье. А что касается потрогать пальцем, изменить жизнь... Я раньше тоже думала, что это – что– то из области фантастики. Однако, как видишь, все меняется. И в твоих руках еще изменить свою жизнь.

– Но как?

– Франции, родной, на всех хватит. А пока тебе бы вы-

рваться из порочного круга коммуналки да своей Нинки-хабалки.

– Поздно хватилась. Она уж давно меня бросила.

– Так радоваться надо! Есть повод выпить! Официант, второй бокал для шампанского, силь– ву– пле!

– Только за это?

– Ну и еще за что–нибудь. За любовь, например, – игриво проворковала молодая француженка московского происхождения.

– У тебя–то понятно, любовь и через 10 лет брака – понятие актуальное. А у нас здесь...

– Почему ты решил, что я имею в виду мужа?

Глаза Лернера загорелись. «Уж не намекает ли она на восстановление старых отношений? А, чем черт не шутит? Может, и вправду, все еще в моих руках, а?»

– А кого?

– Сам же сказал, что я еще ничего. Значит, могу еще понравиться. А во Франции, среди этих жлобов, искать родственную душу – дело пустое.

– Ты уже и здесь кого–то себе отыскала? – надежда еще слышалась в его голосе.

– Это меня тут нашли. Я ведь здесь уже два месяца. И где-то месяц еще пробуду. Думаешь, местные кавалеры настолько одряхлели, что позволят скучать привлекательной француженке, так хорошо говорящей по–русски?

Фотограф заметно погрузнел:

– И кто он?

– А, ты его не знаешь. Сам недавно приехал из Одессы, работает тут моделью у Зайцева. Молодой, сочный, привлекательный... ммм... пальчики оближешь. Конечно, тоже не любовь, но все же лучше постаревшего и облысевшего французского буржуа. Во всяком случае, скрашивает мой досуг и обеспечивает интересное времяпрепровождение.

– Нечего сказать, от жизни не отстаешь.

– Так и ты не отставай, Ленечка, – Сенья поняла, что подобными фривольными разговорами затрагивает патриархальные чувства старого поношенного еврея и решила сменить тему. – Значит, говоришь, фотографом работаешь? Образцы карточек есть? Покрасивее какие –нибудь...

– А тебе зачем?

– Ну не знаю... Покажу своему Луи, может, найдет для тебя какое –нибудь дельце в торгпредстве. Мало ли там всякой швали да бездельников отирается? А уж журналистов да фотографов – как собак не резаных. Это же торгпредство, там фотограф едва ли не первый человек. А ты чем хуже? От их, капиталистического, пирога откусить – с них не убудет, а тебе радость. Ну так что с фотками?

– Знаешь, с собой нет, но завтра я проявлю вот эти красоты, что мадам Толстая хранит у себя дома. Может, их? Там чудо такое, залюбуешься...

– Валяй. А пока выпьем за встречу...

Несколько минут в его компании пролетели незаметно –

и вот уже она, словно Ассоль бежит по волнам утопающей в ледяном дожде Москвы, навстречу своему молодому и горячему Мишке... Бежит в прокуренную коммуналку, даже не удосужившись спросить фамилии своего случайного любовника – зачем фамилия, вообще, к чему слова, когда такое достоинство прячет он от посторонних глаз и дарит ей каждый вечер?!

Мишка набросился на нее с порога и повалил на кровать. Резкими рывками, как всегда, не заботясь о том, в каком виде пойдет она после свидания с ним по ночной Москве и явится домой к мужу, сдернул он с нее одежду и, почти не тратя времени на поцелуи, приступил к делу. Преодолевая ее слабое сопротивление, он кинулся на нее всем телом, и, не говоря ни слова, пронзил ее насквозь. За десять лет брака да пару унылых французских любовников, тратящих больше времени на слова, чем на дела, она уже и забыла, каково это – когда бешеная, необузданная страсть охватывает тебя в затхлой комнате коммунальной квартиры под молодым жеребцом с огромной харизмой как в лице, так и пониже его. Когда крик боли перетекает в крик наслаждения, а всю тебя будто разрывает своим проникновением его рыцарское копье. Когда экстаз накрывает тебя с головой, раз за разом, а ты все не можешь пошевелиться в стальных объятиях горячего южного парня с кипящей кровью, которому доставляет невероятное наслаждение чувствовать под собой статную и неприступную француженку, подчиняя ее своим прихотям и

превращая в инструмент для своего удовольствия и помойку для сброса адреналина...

Первые жаркие минуты исступленной любви вскоре проходят – сбросив пар, он остывает, закуривает сигарету, но – вот прелесть молодого организма! – вскоре восстанавливается и начинает иметь ее уже медленно, не торопясь, со знанием дела, отдаваясь процессу и требуя отдачи от нее. А за ней уж дело не встанет. Все, чем она владеет от природы, в этот вечер принадлежит ему. И наплевать ей самой, в каком виде она явится к мужу и что придумает для своего оправдания – та молодость, которая передается от него к ней белой горячей жидкостью стоит нескольких слов вранья и минуты позора!..

После секса обоим тянуло курить. На балконе было холодно, поэтому, лежа голыми в постели, они курили прямо здесь. Курили и обменивались ничего не значащими словами.

– Представляешь, встретила сегодня старого приятеля, из той моей, московской жизни до брака.

Мишке не было никакого дела до ее жизни и ее знакомых, и потому привычное «mmm» коровьим мычанием безразличия по привычке вырвалось из его уст.

– И чем он занимается?

– Фотограф. Был у вдовы Толстого, фотографировал картины да гобелены, что «красный граф» при жизни на людском горе скопил... И рассказал прелюбопытную штуку. Го-

ворит, у нее великое множество бриллиантовых побрякушек.

– Это правда. Она бабка богатая. Была у нас в Доме моделей недавно – так светилась вся как новогодняя елка. И зачем ей такие богатства, когда все равно детей нет? В фонд Союза писателей пожертвовать хочет, что ли?

– Правда нет детей?

– Вроде нет. А тебе – то что?

– Ну так, интересно. Помнишь, ты рассказывал мне про своего друга из Одессы по кличке... «Котовский» что ли?

– Толян? Да, помню. Вор знатный. Из – под носа что хочешь утащит, а ты и ухом не поведешь.

– А почему его так прозвали?

– Ха... Да он из зала суда через окно сбежал, прямо как легендарный комдив. Вот и повелось... Да ты не думай, он уж отсидел свое. Сейчас свободен... И голоден. Вот, на днях письмо от него получил.

– Голоден – это хорошо...

Мишка бросил сигарету, навис над ней и посмотрел прямо в глаза:

– О чем это ты? Тебе, что, меня не хватает?

– Да ну что ты, дурачок. Просто думаю. Ему заняться нечем, а талант есть. У меня – право выезда за рубеж и, соответственно, возможность протащить все это через границу, чтобы продать с наваром. А она богатая и все богатство пропадает. Да и доступ в ее квартиру мы через моего Ленеч-

ку запросто можем получить... Кстати, мне кажется, он все еще в меня влюблен...

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – хитро улыбнулся молодой человек.

– Точно. Завтра же беги на почтамт и звони своему Котовскому, пусть приезжает. Есть для него работенка.

– А для меня?

– И для тебя.

Азарт разыграл в крови обоих – и они снова набросились друг на друга, совершенно теряя счет времени и невзирая на усталость, которую, казалось, как рукой сняло.

Пару дней спустя Мишка уже встречал на Казанском вокзале молодого человека, как две капли воды похожего на шустрого милиционера, с которым вдова Алексея Толстого встретится через десять дней. А Вероника Сенье сидела в компании Лени Лернера в маленьком кафе – мороженом на Цветном бульваре.

– Поздравляю, Ленечка, есть для тебя работа.

– Отлично. Заказ для твоего мужа?

– Почти. Для меня. Ты ведь готов на поступок ради прекрасной дамы?

– Спрашиваешь.

– Навар будет приличный, обещаю. Не работать сможешь до конца жизни... – говорила Сенье, но Лернер ее уже не слушал. Сам того не подозревая, только что, в пасмурный осенний день 1980 года, он заключил сделку с дьяволом.

Глава пятая

09 декабря 1980 года, Москва, Спиридоновка, музей – квартира писателя Алексея Толстого

Колесниченко появился в квартире писателя, в которой уже несколько дней подряд велись активные следственные и оперативные мероприятия, ныне уже вступившие в завершающую, слабую фазу, в 10 часов утра – решил не приезжать особенно рано, чтобы не будить и без того измотанных событиями последних дней старух, но для порядку посетить место преступления все же следовало. Хотя бы для того, чтобы дать команду милиции снять печать с кабинета писателя, убрать отовсюду таблички «вещественное доказательство», и вообще позволить настрадавшимся женщинам жить в своей квартире нормальной, полноценной жизнью – если, конечно, таковая была возможна после случившегося. Глядя на хозяйку – заслуженную во всех смыслах старуху, – следователь понимал, что главная трагедия ее состоит сейчас не в том, что похитили драгоценности, к которым она, как советский человек, если и питала, то чисто мемориальную, памятную любовь; а в том, что преступники посягнули на святое – на память писателя, бывшего для нее всем при жизни и оставшегося всем после смерти. За два часа, проведенные с ней, Колесниченко узнал о жизни и творчестве Алексея Тол-

столько, сколько, сколько не узнал за весь курс школьной программы, едва ли не каждый год включавшей его произведения в литературные хрестоматии и учебники. Она рассказывала беспрестанно о нем, о его дружбе с Горьким, Фединым, еще какими-то писателями, о которых Владимир Иванович впервые в жизни слышал, с таким упоением, с каким преданный своей работе музейный хранитель приоткрывает завесу исторической тайны над артефактами прошлого. При этом ему безразлично, в чем он одет, голоден он или сыт, и вообще, интересно ли все то, о чем он повествует. Он упоен собой – так же упоена собой была Людмила Ильинична, у которой ее покойный обожаемый муж не сходил с уст. Такое отношение ее к великому писателю можно было, пожалуй, объяснить, их огромной разницей в возрасте и тем безграничным уважением, что она к нему питала, но при все при этом факт оставался фактом – для нее свято было все, чего касался, с чем работал и о чем думал этот, без сомнения, великий человек. И потому ограбление, в ходе которого такому вандалистскому осквернению подверглись исторические, музейные, литературные святыни, было для нее равносильно смертной казни. Видавший виды следователь верил – она не притворяется. Потому только, что старому человеку притворяться незачем, да и не сумеет он сделать это так правдиво. Ему стало искренне жаль вдову писателя, и именно понимая, что слезами горю не поможешь и пора переходить к активным действиям, он приступил к ее допросу.

– Уважаемая Людмила Ильинична, – терпеливо начал он. – Мы внимательно осмотрели всю квартиру, проверили ее на наличие посторонних отпечатков пальцев, и их не обнаружили. Из чего, к сожалению, следует, что преступники работали в перчатках. Значить это может только одно – ограбление совершенно профессионалами в своем деле. Места взлома замков и то, как быстро и методично осуществлено ограбление, говорят еще и о том, что они знали, что и где искать. Напрашивается печальный вывод – вы стали жертвой целой сети негодяев, один из которых, возможно, был слишком близко от вас...

– Что вы имеете в виду?

– Обратите внимание на то, где и как вас заперли на момент ограбления. Преступники изначально целенаправленно заманили вас в ванную, зная, что замки в этой комнате стоят снаружи...

– Да они тут повсюду снаружи, – отмахнулась Толстая.

– Да, но в других комнатах есть окна, не так ли? А это значит, что вы могли бы выбраться, подать сигнал бедствия, пребывая там. Оборвали телефон, точно зная, в какой из комнат – а их тут немало – он стоит. Цель – то понятна – если вам вдруг кто – то позвонит, вы не подойдете, учитывая возраст, корреспондент может подумать, что с вами что – то случилось, и забить тревогу. А так – просто короткие гудки, никакого подозрения. Но вот тот факт, что в течение нескольких секунд преступники этот телефон нашли, а вас спокойно за-

перли, после чего методично прошли в кабинет, ничего по пути не громя и не трогая, не оставляя никаких следов поиска того, за чем пришли, взяли, что искали и тем же путем удалились – все это наводит на мысли о том, что был у них проводник, хорошо знакомый с расположением в квартире вещей, в том числе и драгоценных.

– Но кто это может быть? Клаша? Исключено...

– Нет– нет, ваша домработница с вами уже давно, да и нами проверена по линии оперативного учета, так что... Тогда кто?

– Не знаю, я, право, растерялась от таких вопросов. Видите ли, столько событий...

– Я понимаю. Но вы все же подумайте – кто бывал в вашей квартире последнее время чаще обычного? Кто из тех людей, кого раньше здесь не было? Какие– то новые знакомые, может, журналисты?

– Дайте подумать... Был один человек, фотограф из «Литературки». Кажется, его зовут Леней. Его прислала редакция сделать фото картин и гобеленов из коллекции Алексея Николаевича. Знаете, у него была богатая коллекция, она осталась нетронутой. Возможно, в разговоре с ним я случайно обмолвилась о бриллиантах...

– С одной стороны, возможно, но ведь он был всего один раз?.. Вряд ли за столь короткое время можно детально осмотреть квартиру и сделать точный план того, что, где и как лежит... Хотя, его тоже следует допросить, – следова-

тель взглянул на стоящего в углу подполковника из МУРа по фамилии Сельянов. Он был заместителем начальника уголовного розыска города и часто, по долгу службы, входил в составы следственных групп, возглавляемых Колесниченко. Исполнительный и ответственный, четко понимающий задачу – следователю работалось с ним более, чем комфортно. Он сразу поймал взгляд своего начальства и кивнул в знак того, что вскоре допрос этого фотографа будет произведен.

Разговор прервал другой МУРовец – майор Днепров. По заданию следователя он опрашивал консьержку дома и составлял фоторобот тех псевдо– милиционеров, что явились в квартиру Толстой в день ограбления. Ошарашенные Толстая и ее домработница Нифонтова не могли припомнить ни одной черты лица, кроме характерного одесского говора. Однако, этого было мало для оперативной работы – устроенное первым секретарем МГК Гришиным массовое жилищное строительство на протяжении последних 5– 7 лет привлекло в Москву такое количество «понаехавших» строителей со всех концов Союза, что по этому признаку вернее было отыскать иголку в стоге сена. Консьержка же была типичной советской вахтершей, не ведавшей эмоций, и потому велика была вероятность более четких образов грабителей, отложившихся в ее старушечьей, но все же крепкой памяти. Так и случилось – майор продемонстрировал следователю два композиционных портрета, сделанных им за два дня кропотливой работы. Колесниченко повертел их в руках и

дал майору новое задание:

– Понятное дело, что ни в каком УВД или РОВД они не работают, но все же для порядка надо расклеить ориентировки с этими физиономиями в подразделениях МУРа. Может, кто– то кого– то вспомнит, может, чьи родственники – форма– то на них была настоящая, милицейская...

– Именно, Владимир Иванович, именно милицейская, – подхватил майор. – Консьержка сказала, что даже шевроны и нашивочные планки имелись. Если бы был самодел, к чему им связываться с такими сложностями? А тут все было очень даже взаправду.

– А она как планки заметила?

– Телевизор часто смотрит, там как раз сейчас «Петровка–38» идет, – улыбнулся Днепров.

– Прямо– таки находка для нас. Ты вот что, майор. Отправляйся сегодня же по отделениям и занимайся только этими милиционерами. Если работа с райотделами результата не даст, езжай за МКАД, в область – в общем, плотно работай по этому направлению. Действуй.

Майор взял под козырек и ушел, а Колесниченко продолжал свои рассуждения относительно возможных соучастников ограбления:

– Да, фотографа, скорее всего, маловато. Вы заметили, что грабители явились к вам в половине третьего – ваша домработница говорила, что она практически в исключительных случаях остается дома в это время. Осталась в тот день по

чистой случайности. Значит, шли в это время из расчета, что вы дома одна. Это опять— таки указывает на их тщательное ознакомление с распорядком жизни обитателей вашей квартиры.

— Пойдите— ка, — Толстая схватилась за голову и откинулась в кресле — так, что правоохранители подумали, что ей плохо. Сельянов кинулся за водой, а та потихоньку начала приходить в чувство. — Я, кажется, догадываюсь, но... этого не может быть...

— Я слушаю вас...

— Последнюю неделю к нам зачастила одна девушка, Вероника. Она аспирантка из Литературного института имени Горького. Сказала, что пишет диссертацию по роману Алексея Николаевича «Петр Первый». Он ведь неоконченным остался, так вот она все время просила меня рассказать, с какими мыслями подходил Алексей Николаевич к его окончанию, оставлял ли какие—нибудь черновики, что планировал включить в третью, заключительную часть. Она очень вошла ко мне в доверие, но... право, я не придавала этому такого ужасного значения. Часто студенты и аспиранты посещают меня, часто спрашивают о последних днях Алексея Николаевича, так что же, теперь никому не доверять?

— А как часто она приходила к вам?

— Последнюю неделю почти каждый день.

— А после ограбления?

— Ни разу, даже не позвонила.

– А имя вы ее запомнили?

– Конечно. Вероника. Фамилии не знаю, но вот в имени уверена...

Колесниченко вытащил Сельянова в соседнюю комнату.

– Ну вот. А вы говорили следов нет. Осталось проработать с экспертами, опросить на предмет фоторобота вдову, консьержку и домработницу – только желательно всех по отдельности, сами понимаете, так будет детальнее. После сличить их портреты и по ним искать эту самую Веронику.

– А почему не Надежду или Светлану? Что, она имя не могла сменить? Представляете, сколько мы эту Катю или Машу будем по всей Москве, а то и по всему Союзу разыскивать?

– Нет. Именно Веронику.

– Почему?

– Вы меня удивляете, товарищ подполковник. Мы же с вами уже понимаем, что имеем дело с профессиональными грабителями. А профессиональный грабитель может изменить фамилию, но не имя. Представьте, он изменил имя и на мгновение забыл об этом – так человек устроен, что свое, родное у него всегда в памяти и на устах, а чужое не свойственно ему, не клеится. Окликнули его в толпе по выдуманному имени, по псевдониму, так сказать – а он по инерции и не обернулся. Уже подозрение. А фамилия дело второе. Так что, думаю, ищем мы действительно Веронику. Но вот какую?..

Вечером, когда Колесниченко уже собрался уходить, собирая разбросанные по столу в его кабинете в Генпрокуратуре бумаги и запирая папки с делами в сейф, его рабочий телефон вдруг зазвонил. Он поднял трубку – на том конце провода был майор Днепров.

– Владимир Иванович, по фотороботу одного милиционера есть результаты!

– Да ты что?! Так быстро?

– Сам удивился. Но случай просто хрестоматийный.

– А ну– ка?

– Пришел я с этим портретом в Замоскворецкий РОВД. Ну там, значит, один оперативник недавно из Одессы перевелся. Женился на москвичке и переехал сюда. Так вот, там он служил в уголовном розыске. И признал в этой морде на фотокарточке не кого–нибудь, а знаменитого вора– рецидивиста Петкова по прозвищу «Котовский»! знаменит крупными квартирными кражами, трижды судим, в общем, по–моему, наш клиент.

– Это точно? Одессу запрашивали?

– Еще бы. Если б не запрашивали, я бы и звонить не стал. Только что получили ответ – совпадение по 95 точкам с его физиономией. И вот еще что. Одесские товарищи сообщили, что Петков недавно освобожден, и тамошние сотрудники за ним негласно присматривали – мало ли, что еще натворит. Так вот они установили, что около двух недель тому назад Петков выехал на поезде в Москву, и больше в Одессу не

возвращался.

– Вот те раз. Слушай, майор, а почему «Котовский»?

– Ха, это отдельная история. Вы про знаменитого комдива слышали, что он из царского суда прямо через окно во время процесса удрал?!

– Ну, был такой анекдот.

– Так вот наш Петков его воспроизвел в точности. В Кишиневе, прямо, говорят, на оглашении приговора, из– под самого носа...

– Занятно. Ты вот что. Отдыхай, а завтра с утра пораньше ко мне в кабинет. Будем новый план следственных действий утверждать.

«Председателю КГБ СССР Андропову Ю.В.

от старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Колесниченко В.И.

СЕКРЕТНОЕ СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

Довожу до Вашего сведения, что в результате предварительного расследования по делу об ограблении Л.И. Толстой, нами установлено, что на лицах, проникших в день ограбления в квартиру потерпевшей, была надета настоящая милицейская форма со знаками отличия, планками наградных медалей, шевронами, кантами на рукавах форменных ките-

лей, из чего, по моему мнению, следует, что у членов данной банды имеется некий контакт с сотрудниками МВД СССР. Дополнительно в пользу данного довода свидетельствует тот факт, что вчера, когда мы получили достоверные сведения о причастности к ограблению вора— рецидивиста Петкова по прозвищу «Котовский» и я распорядился направить во все ювелирные магазины и скупки его фоторобот со списком похищенных драгоценностей, сумка с частью награбленного была подброшена в химчистку на улице Гарибальди. При этом звонок из химчистки поступил на пост дежурного ГУ-ВД Мосгорисполкома в 10 час 00 мин, а первая ориентировка поступила в магазины не ранее 10 час 30 мин. Это позволяет утверждать о том, что информация из возглавляемой мной следственной группы очень оперативно и достоверно поступает в руки преступников, имеющих, как я уже сообщил, контакт с представителями МВД. Прошу вас принять данную информацию к сведению с внесением соответствующих организационных выводов.

Также, учитывая определенную степень недоверия с моей стороны представителям МВД в моей группе, почти целиком из них состоящей, прошу вашего оперативного содействия в организации наружного наблюдения за гр. Лернером Леонидом Исааковичем, сотрудником отдела фотографии «Литературной газеты». Не имею достаточных данных, чтобы утверждать о его причастности к ограблению, но, согласно показаниям потерпевшей, именно Лернер был одним

из немногих посетителей квартиры накануне ограбления, кому было достоверно известно о бриллиантах. Полагаю, что наблюдение за ним важно с оперативной точки зрения.

Колесниченко В.И.

13.12.80г.»

11 декабря, вечер, Большой Театр

В «Большом» давали «Пиковую даму». Ариозо Германа блистательно исполнял молодой цыганский тенор Борис Буряце. Был будний день, вторник, но народу на представление собралось великое множество – среди гостей в ложе сидели замминистра МВД генерал Чурбанов и его супруга, дочь Генерального секретаря ЦК КПСС Галина Леонидовна Брежнева. На эту оперу они с момента своего супружества ходили в разные театры бесчисленное множество раз – и, на вкус Чурбанова, видели и слышали куда более качественное исполнение. Ариозо на их памяти исполняли Атлантов и Козловский, Романов и Лемешев. Что нашла его жена в этом плюгавеньком цыганенке генерал и представить не мог, но тянула она его на этот спектакль долго и упорно – так, что отказать у него не было ни поводов, ни оснований. Спектакль шел вторую неделю, прокат подходил к концу, так что возможности посмотреть его сиятельной паре могло больше и

не представиться – театр собирался на длительные гастроли. Предыдущие 10 дней Юрий Михайлович благополучно игнорировал настойчивые просьбы супруги, ссылаясь на занятость в связи с расследованием дела об ограблении Толстой. Сегодня отговорка не помогла, разве что в антракте, сидя за отдельным столиком в шикарном театральном буфете и по привычке заливаясь коньяком, Галина Леонидовна как бы между делом поинтересовалась у мужа:

– Ну и что у тебя с Толстой?

– У меня с ней ничего. Дело ведет Генеральная прокуратура...

– Ну ты же был чем– то занят все эти дни, хотя дело вела Генеральная прокуратура?..

– Да, есть наши люди в составе следственной группы. Я должен формально их курировать, хотя там такой следователь, что...

– Ну и что люди говорят? Формально ты же еще их курируешь?

– Курирую. В общем и целом, все нормально. Скоро раскроем. Иначе не сидел бы я здесь с тобой, а строчил бы шефу отчеты с дословным цитированием того, что сообщают члены оперативной группы.

– Скоро? Как скоро? И почему ты так думаешь?

– Это уже дело времени. Наши оперативники вышли на след исполнителя – какого– то рецидивиста из Одессы с типично коммунистическим прозвищем. Не то «Котовский»,

не то «Тухачевский», черт его знает. В общем, физиономия его уже у нас в кармане. Завтра по плану раскидаем по ювелирторгам и скупкам его портрет и список краденого – и все, дело в шляпе. Никуда не денется.

Антракт закончился, и Галина Леонидовна вновь вернулась к созерцанию так необъяснимо и вдруг понравившегося ей цыгана. А после, оставив мужа у машины, решила сама подарить певцу цветы, для чего прошла в его гримерку.

С порога молодой любовник набросился на Галину, едва успевшую запереть дверь.

– Да ты что, нельзя сейчас... – она упорно отталкивала Буряце, хотя видно было, что ей импонируют его напористые ухаживания и жаркие цыганские ласки. – Юра возле машины, что подумает...

Продолжая целовать возлюбленную, молодой певец шептал:

– Ну, как я тебе сегодня?

– Как всегда, исключительно. Держи, это тебе. Надо избавиться от вешдока, а то и вправду поймет, зачем я в гримборную шла, – Брежнева всучила Борису большой букет цветов. Он походя бросил его в угол туалетного столика, метнулся к выдвижному его ящичку и извлек из него бархатную коробочку – в таких обычно дарят ювелирные украшения.

– У меня для тебя тоже подарок есть...

– Ну ты даешь! – как ребенок едва не запрыгала на месте Галина Леонидовна. – Что здесь? – не дождавшись ответа,

она открыла ее и обомлела – из нее смотрела на первую леди Советского Союза королевская лилия из белого золота с двадцатью одним бриллиантом. – Это оттуда, из той квартиры?

Буряце замялся.

– Какая разница? Тебе не нравится? Знаешь, сколько стоит? Разве это не доказательство моей любви?

– Да знаю, знаю. Обалденно. Спасибо, Борька...

– А ты?

– Что я?

– Все еще меня любишь?

– Ну что за вопросы?

– А доказать можешь?

– Обалдел?! – она говорила с певцом, не отрывая глаз от шикарного драгоценного подарка. – Может, мне тебе признание мелом на асфальте написать? Или губной помадой на бланке «Генеральный секретарь ЦК КПСС»? А? – Брежнева сипло рассмеялась, все еще разглядывая лилию.

– Не надо. Ты поговорила с мужем? Узнала что–нибудь?

– Узнала, – вмиг посерьезнела Галина Леонидовна. – Сливать надо все и всех. Завтра рожа этого грабителя будет на каждом столбе по всей Москве висеть. И цацками этими он к себе ментам прямую дорогу проложит. Ему надо срочно от всего избавляться и валить из Москвы, понял?!

15 декабря 1980 года, Москва, Лубянка

Андропов вызвал Колесниченко без предупреждения, просил приехать как можно скорее – следователь понял, что большой покровитель приготовил для него хорошие новости. И не ошибся.

– А ты молодец, – улыбаясь, глядел на своего визитера хозяин Лубянки. – Таковую рыбу чисто по наитию поймал.

– О чем вы, простите?

– Да ты садись. В общем, как ты и просил, прощупали мы этого твоего Лернера – Алидин, начальник московского УКГБ поспособствовал. Он Леонида Ильича старый друг, а Леонид Ильич был когда– то поклонником творчества Толстого. Ну, я и сыграл на патриотических чувствах... Аккуратно, незаметно, подобрались мы к этому фотографу и выяснили, что не так он прост, как кажется. Есть у него одна подруга – жена французского торгпреда, Вероника Сенье. Русская, замуж за француза выскочила и уехала. Так вот, сколько она здесь, они практически не расстаются. Вчера во время беседы Лернер передал ей какой– то чемоданчик – что уж там, мы точно не знаем, а только утром эта госпожа Сенье подала документы на выезд в Париж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.